

АЛЕКСАНДР КОСТЕНКО

18+

СТРЕКЛУНИНЬІЙ САМОЛЕТ

М И С Т И Ч Е С К И Й П Е Т Е К Т И В

Александр Костенко
Стеклянный самолет

«Издательские решения»

Костенко А.

Стеклянный самолет / А. Костенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517992-0

В ноябре 1959 года в Алтайских горах при загадочных обстоятельствах погибает археологическая экспедиция профессора Тетерникова. В рабочем кабинете и на городской квартире профессора следственной бригадой КГБ СССР по горячим следам производятся обыски. Вскоре выясняется, что незадолго до своей гибели профессор взял из запасников Исторического музея для изучения уникальный экспонат — фрагменты скифского щита, бронзовые пластины которого были покрыты петроглифами. Расследование поручают Ростовой.

ISBN 978-5-00-517992-0

© Костенко А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Перевал смерти	6
Алтай, ноябрь 1959	7
Москва, Беговая улица д.3, июль, наши дни	8
Москва, следственная тюрьма, февраль 1937	11
Алтай, ноябрь 1959	13
Москва, Лубянка, наши дни	15
Москва, июль, наши дни	23
Москва, Ваганьковское кладбище, июль, наши дни	25
Москва, ЦПКО имени Горького, февраль 1937	27
Подмосковье, Академгородок, октябрь 1959	28
Москва, Лубянка, июль, наши дни	30
Москва, Центральный архив МВД РФ, июль, наши дни	36
Москва, Лубянка, июль, наши дни	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Стеклянный самолет

Александр Костенко

© Александр Костенко, 2025

ISBN 978-5-0051-7992-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Перевал смерти

Алтай, ноябрь 1959

Костер постепенно догорал. Черная ночь спускалась с гор, все ближе подступая к альп-лагерю, и вот уже вокруг ничего нельзя было разглядеть, кроме красных огоньков мерцающих во тьме углей. Они продолжали весело потрескивать, изредка вспыхивая и на мгновения выхватывая из темноты лица сидевших вокруг костра людей. Профессор Тетерников, зябко кутаясь в куртку—канадку, не сводил глаз с сына Григория и его невесты Лизы – милой белокурой девушки, которая, положив голову Грише на плечо, внимательно слушала, как тот поет, перебирая озябшими пальцами струны гитары. Точно также они сидели на даче у костра совсем недавно... Ели шашлык и, слушая альпинистские песни в исполнении Григория, любовались золотым убранством Серебряного бора. Подумать только, это было всего два месяца назад! Профессор стряхнул с себя наваждение и прислушался к песне:

Шуткам не учат в наших лагерях,
Если вдруг придется воевать в горах,
Вместе с ледорубом возьмешь ты автомат
И как на страховке сожмешь его приклад.

Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь ты гранату и записку в ней,
На скалистом гребне для грядущих дней...

– Молодые люди, пора устраиваться на ночь, – профессор решительно встал и, неприязненно посмотрев в сторону, где особняком расположились два офицера КГБ, колдовавшие над спиртовкой, продолжил:

– Завтра подъем в шесть утра. Мы в пяти километрах от места. Переход предстоит трудный, а потому советую хорошо выспаться. Всем спокойной ночи, – профессор еще раз посмотрел на сына и, присев на корточки, начал расшнуровывать вход в палатку.

Москва, Беговая улица д.3, июль, наши дни

– Понимаете, мой Лева всегда был фантазером. Еще в молодости, а мы поженились в июне сорок седьмого, он, я хорошо это помню, постоянно перечитывал книгу Конан Дойла «Затерянный мир». Тогда он просто заболел этим романом. Зачитал книгу, что называется – до дыр. Я, конечно, в душе по-доброму посмеивалась над этими его фантазиями. А он само-забвенно твердил, что обязательно найдет этот самый затерянный мир. С годами он и вправду становился похожим на профессора Челленджера. Помните, у Конан Дойла это весьма колоритный персонаж. Смешно, но Лева даже внешне постепенно стал походить на главного героя этой книги. Стал таким же прямолинейным, грубоватым и бесшабашным, что ли...

Я не перебивала вдову профессора Тетерникова и, слушая ее, украдкой осматривалась. Профессорская семья занимала большую трехкомнатную квартиру элитного даже по нынешним временам «генеральского» дома на Беговой улице. Комната, в которую меня пригласила Маргарита Петровна, была большая – метров под тридцать. По-видимому, раньше здесь была профессорская столовая. Высоченные потолки с лепными гипсовыми карнизами создавали ощущение небывалого простора. Чешская стенка еще советских времен смотрелась в этом помещении совсем низкой, просто игрушечной, и, казалось, подошла бы скорее для домика куклы Барби, а не для этой просто необъятной комнаты. Впрочем, первое впечатление несколько компенсировалось длинными рядами застекленных светлых книжных полок, тоже чешских, в несколько ярусов идущих вдоль всей стены до самого потолка и до отказа заставленных книгами. Они располагались так высоко, что мне даже подумалось, что без помощи стремянки достать нужную книгу с самого верхнего ряда совершенно нереально.

– Мы переехали в эту квартиру сразу после свадьбы в 47-ом, – видимо по-своему расценив мой интерес к обстановке, пояснила Маргарита Петровна. – А до нас с 37-го и всю войну квартира стояла опечатанная. Сами понимаете... А потом.. Потом, когда произошла эта трагедия с Левой... – Женщина запнулась, – в общем, у нас был обыск и всю мебель вывезли. Вот пришлось потом все новое покупать.

– А если не секрет, над чем работал ваш муж последние несколько лет перед той роковой экспедицией? – спросила я и осторожно, двумя пальчиками, подняла явно антикварную и почти невесомую чашечку, отпила маленький глоточек прекрасно заваренного зеленого чая с ароматом жасмина и также осторожно поставила обратно.

– Милая моя, Лева никогда и ничего не рассказывал мне о своей работе. Они же с Гришей служили в каком-то секретном научном отделе при Академии наук. Но поскольку муж и сын были археологи, то я, конечно, могла примерно догадываться, чем они занимаются. Я думаю, – вдова горько усмехнулась, глядя на меня, – что исключительно археологическими раскопками. Будь они прокляты.

– А какими конкретно раскопками, и где, вы не знаете? – продолжала настаивать я, плюнув на условности и пропустив мимо ушей горькую шутку собеседницы.

– К сожалению, – Маргарита Петровна развела руками, – здесь я вам помочь вряд ли чем смогу. Хотя, постойте. За несколько дней до той злосчастной экспедиции Лева притащил домой небольшую картонную коробку. Я, естественно, сразу поинтересовалась, что в ней. А муж злобно зыркнул на меня глазами и очень неохотно, прямо сквозь зубы пробурчал что-то о фрагментах какого-то старинного щита. Я, правда, ничего не поняла, но видя его состояние, расспрашивать дальше не стала. Да, точно, так все и было. А на следующий день он снова вернулся домой позже обычного и на этот раз в чрезвычайно возбужденном состоянии. И с таким, знаете, нездоровым блеском в глазах, прямо с порога, мне заявил:

– Я, кажется, нашел его. – Я, естественно, сразу спросила: кого? Он посмотрел на меня, право слово, как на полную дуру, и раздраженно пояснил:

– Не кого, а что. Затерянный мир, конечно! – После такого заявления, как вы сами понимаете, мне оставалось только покачать головой и отправиться готовить Лева вечерний чай. Он пил только травяной, заваренный особым способом. И больше мы с ним к этому вопросу не возвращались. Он мне так ничего тогда и не рассказал, а я, конечно, обиделась и больше спрашивать не стала. А еще через несколько дней он уехал в ту экспедицию на Алтай и погиб.

– А ваш сын Гриша? Он тоже ничего не рассказывал вам о работе, которой занимался? – спросила я, отважившись попробовать кусочек домашнего вишневого пирога, который, впрочем, оказался просто восхитительным.

– Гриша был полной противоположностью отца. Очень расчетливый и практичный. Даже не знаю, в кого он пошел. Наверное, в моего деда. Тот до Революции был купцом первой гильдии и тоже славился своей расчетливостью, порой граничащей с жадностью. Так вот, от Гриши чего-то добиться было вообще невозможно. На все мои вопросы он, как правило, отшучивался, по-видимому, боясь меня обидеть прямым отказом. Но и только. Это скорее Лева со своей экспрессивностью в запале мог о чем-нибудь проболтаться. Но только не Гриша.

– Понятно. Скажите, а какие-нибудь бумаги профессора или сына у вас сохранились? Может быть, дневники прошлых экспедиций, записные книжки, письма?

– Что вы, деточка, какие бумаги. Я же говорю, после того как Лева погиб в той экспедиции, у нас дома был обыск и они выгребли все, до последнего клочка бумаги. Ничего не осталось. Даже, как я уже говорила, зачем-то всю мебель вывезли. Мои письма к мужу и те забрали. Обещали, правда, вернуть, да так и не отдали обратно. Только библиотеку и вернули.

– Подождите, Маргарита Петровна, – мгновенно насторожилась я, – вы сейчас сказали: Лева погиб. А ваш сын Гриша? Он ведь тоже был в составе той экспедиции? Насколько я знаю, там, в горах, они погибли все? Или я ошибаюсь?

– Да нет, вы не ошибаетесь. Просто Гришу хоронили в закрытом гробу. Единственного. И мертвым я его не видела. Он так и остался в моей памяти живым. Поэтому я все еще и надеюсь. Наверное, на чудо. Вы уж простите меня. Сколько лет прошло, а я все жду, – Маргарита Петровна промокнула глаза старомодным кружевным платочком, тряхнула головой и уже спокойным и твердым голосом сказала:

– Не обращайтесь на меня внимания. Я и сама умом все понимаю. Просто, наверное, так жить легче.

– А вам сообщили что-нибудь об обстоятельствах трагедии? Вам известно, что произошло тогда в горах?

– Увы. Для меня исключения делать не стали. Так что мне известно лишь то, что и всем. Сказали, что сошла мощная снежная лавина и накрыла весь их лагерь. Хотя я и не понимаю, как такое могло произойти. Ведь Гриша был очень опытным альпинистом. Мастером спорта международного класса. На его счету, несмотря на молодой возраст, было уже немало достаточно сложных восхождений. В том числе и на Эльбрус.

– Маргарита Петровна, простите, но я должна задать этот вопрос. У вашего сына была девушка?

– У Гриши была невеста Лиза. Они собирались пожениться весной шестидесятого. Да видно, не судьба...

– А что с ней стало потом? Вы не поддерживали с ней связь после гибели сына?

– Она погибла вместе со всеми. Ее фамилия Каменева. Лиза Каменева. Она работала старшим лаборантом у мужа. И входила в состав той проклятой экспедиции, – женщина всхлипнула, и на глазах у нее снова выступили слезы.

– Простите ради бога. Я не знала, – смутилась я.

– Ничего. Столько лет прошло. Я уже привыкла.

– А вам известно, что на рабочем столе вашего мужа была обнаружена очень странная записка? Как вы думаете, что профессор Тетерников мог иметь в виду, написав: «Я ухожу»?

– Я вам уже говорила, что Лева был неисправимым романтиком. И в некоторые моменты жизни вел себя просто как ребенок. Несмотря на то, что прошел всю войну. Поэтому я бы на вашем месте не стала придавать этой записке особого значения.

– Но ведь он действительно ушел. Ушел из жизни. Может, он предчувствовал что-то? Вы не замечали ничего странного в его поведении в последнее время?

– Милая моя, если говорить честно, то вся жизнь моего мужа была чередой довольно странных, а порой и совершенно нелепых поступков. А посему вычленив последние дни перед экспедицией и оценить все, что происходило непосредственно до трагедии, я, извините, не могу. Пожалуй, самым странным было, как я уже, впрочем, говорила, его заявление о том, что он нашел свой затерянный мир. Хотя я думаю, что, скорее всего, в данном конкретном случае он выразился несколько иносказательно. Лева иногда были свойственны довольно витиеватые высказывания, смысл которых частенько не сразу доходил до собеседника. И потому я абсолютно уверена, что в данном контексте его выражение «затерянный мир» – просто аллегория. И не более того. Вы ведь, надеюсь, сами не допускаете мысли, что мой муж действительно нашел настоящий затерянный мир с такими живыми динозаврами и птеродактилями? И именно в том качестве, в котором мы привыкли представлять себе нечто подобное?

– Все может быть. Особенно в наше время. Я, честно говоря, уже привыкла ничему не удивляться, – вздохнула я. – Вам, как человеку советской формации и, так сказать, старой закалки, воспитанному к тому же на строгих атеистических принципах марксизма, конечно, трудно себе представить некоторые природные явления, ставшие в последнее время вполне обыденными. А, скажем, лет так двадцать назад за одно предположение о том, что такое может быть, вполне реально было не только вылететь с работы, но и загреметь в лагеря, причем на немалый срок. Да что я вам рассказываю? Вы и сами наверняка все знаете не хуже, а даже лучше меня, как это все происходило раньше. Но теперь-то, слава богу, мы живем в другое время, и уже нет необходимости отрицать очевидные вещи или делать вид, что мы их не замечаем. Ведь так? Наука же не стоит на месте, и если уж говорить о всякого рода затерянных мирах, параллельных измерениях и тому подобных вещах, то волей-неволей приходится признаваться себе, что они существуют сплошь и рядом. А потому я не стала бы так уверенно отрицать возможность существования того, чем был так одержим ваш муж.

– Ну знаете, мы так можем, пожалуй, до такого договориться... Кстати, можно еще разок взглянуть на ваши документы?

– Пожалуйста, – я извлекла из сумочки и во второй раз продемонстрировала Маргарите Петровне свое служебное удостоверение.

– Поймите меня правильно, – закончив внимательно рассматривать мои документы, хозяйка квартиры сняла очки и, положив их на стол, продолжила, – у меня в свое время тоже, правда очень давно, был хоть и незначительный, но все же достаточно неприятный опыт общения с вашими, так сказать, коллегами. И я должна заметить, что тогда они вели себя совсем по-другому. Если не сказать больше... – Маргарита Петровна осеклась, не закончив фразы, и чисто машинально дотронулась тонкими пальцами до небольшого и еле заметного шрама странной треугольной формы на левом виске.

– Я догадываюсь, о чем вы, – поспешила я ей на помощь. – Но вы должны понимать, что в нашей, как мы ее сами называем, конторе существуют совершенно разные отделы. Например, подразделение, в котором работаю я, не занимается расследованием убийств, преступлений против государства и, как следствие этого, запугивание фигурантов по делу, – нагло соврала я, не моргнув и глазом, – а уж тем более свидетелей, – для пущей убедительности развела я руками, – поверьте, совершенно не наш профиль.

– Да и времена, слава богу, действительно изменились, – вздохнула Маргарита Петровна и стала убирать со стола.

Москва, следственная тюрьма, февраль 1937

– Фамилия, имя, отчество, год и место рождения? – коротко стриженный верзила в расстегнутом кителе немигающим взглядом покрасневших от бессонницы глаз смотрел на нее в упор. Вопрос прозвучал очень тихо. Следователь произносил слова, казалось, даже не разжимая тонких бледных губ. И постоянно вытирал носовым платком короткую толстую шею и узкий лоб, на котором то и дело проступали крупные капли пота.

Машу же, стоявшую перед ним на подгибающихся от усталости и дрожащих от страха ногах, бил озноб. Зубы непроизвольно выбивали дробь, и взять себя в руки у девушки никак не получалось.

– Ну? Я жду, – следователь нетерпеливо постучал пером по столу.

– Федорова Мария Дмитриевна, родилась в Москве в 1918 году, – запинаясь, тихо произнесла девушка, чувствуя, что начинает терять сознание. – Разрешите, я присяду? – из последних сил пролепетала она и покачнулась, обхватив руками живот.

– Садись, – верзила кивнул на привинченный к полу железный табурет. – На каком месяце? – выразительно посмотрел следователь на уже хорошо заметный живот девушки.

– Восьмой пошел, – ответила Маша и опустила глаза.

– Замужем?

– Нет.

– Хорошо, для вас очень хорошо, – констатировал следователь. – Скажите, а в каких отношениях вы состояли с гражданином Каменевым Петром Васильевичем?

Теперь Машу бросило в жар. И тут же промелькнула ужасная мысль:

– Неужели знают? – И, собрав остатки воли, она как можно равнодушнее выдавила из себя:

– Ни в каких. Я работала в научной группе профессора Каменева лишь вторым ассистентом и всего несколько месяцев. Личных отношений со своим непосредственным начальником не имела, если вы это имеете в виду.

– Именно это я и имею в виду. Ну что же, это даже очень для вас хорошо, что не имели никаких отношений с врагом народа. Но как сотрудник вышеупомянутого отдела вы должны были быть в курсе всего происходящего у вас в институте. Отсюда вопрос: вел ли профессор Каменев какие-либо антисоветские разговоры в вашем присутствии? Или, может быть, в присутствии других сотрудников? – следователь устало прищурился.

– В рабочее время ничего подобного я не слышала. Все наши беседы касались исключительно научных аспектов проблемы, которой мы занимались по долгу службы. А в свободное время я с профессором никогда не общалась. Насколько мне известно, после работы он сразу уезжал домой к семье или в Академгородок.

– А если хорошо подумать? – голос следователя прозвучал угрожающе – вкрадчиво. Он встал из-за стола и вплотную подошел к девушке. Волна липкого страха снова захлестнула ее.

– Об антисоветских настроениях профессора Каменева мне ничего неизвестно.

– Ну, допустим, – громила отступил на шаг и опять внимательно посмотрел на Машу. – Бог с ним, с вашим профессором. Тем более что он освободил нас от хлопот, пустив себе пулю в голову. Буквально за полчаса до ареста. Кто-то предупредил эту сволочь. Но все дело в том, что самая главная проблема осталась. Меня интересует, куда делся весь архив профессора?

У девушки буквально перехватило дыхание. Сделав над собой невероятное усилие, чтобы не выдать себя, Маша как можно тверже сказала:

– Я не знаю. У меня не было доступа к таким документам.

Неожиданный и сильный удар по лицу буквально смел девушку с табурета. Она отлетела в угол и сильно ударилась о стену, едва успев инстинктивно прикрыть руками живот. Следо-

ватель вразвалочку подошел к Маше и, крепко схватив за воротник, сильным рывком поднял девушку на ноги. Платье затрещало, пуговицы, отлетая одна за другой, застучали дробью, прыгая по бетонному полу. Белый кружевной воротничок не выдержал, оторвался и остался в руках следователя. Тот, на мгновение отпустив девушку, брезгливо посмотрел на него и швырнул на грязный затоптанный пол. Но тут ноги девушки подломились в коленях, и она, не удержавшись, снова упала на бетонный пол. Оказавшись на холодном полу, она зажмурилась, ожидая очередного удара, а когда через минуту открыла глаза, следователя в кабинете уже не было. Маша отползла в сторону и, прижавшись спиной к шершавой стене, натянула задравшийся подол платья на колени. Почувствовав сильные толчки в животе, она замерла, прислушиваясь к собственным ощущениям. Падение не прошло даром. Ребенок в утробе матери продолжал толкаться. Мария попыталась успокоиться и прикрыла глаза. Через несколько минут хлопнула дверь, и в кабинет вошли трое.

– Не признается, шалава? – спросил один из вошедших – высокий капитан с неприятным прищуром глаз на узком бледном лице. – А она ничего, хорошенькая. Даже жалко такое милое личико портить, – в его неприятном говоре Маша безошибочно угадала прибалтийский акцент.

Следователь развел руками:

– Я с ней по-хорошему, а она не понимает.

Капитан с бледным лицом не спеша подошел к застывшей с широко раскрытыми глазами девушке, наклонился и, взяв ее за подбородок, посмотрел прямо в глаза:

– Ну, будем говорить или...?

– Я правда ничего не знаю. Поверьте, профессор был очень скрытным человеком. Да мне он бы никогда не доверил результаты своих исследований, – быстро заговорила девушка, чувствуя, как ребенок в животе опять заворочался.

– Ну, предположим, тебе он не доверял, а кому тогда? Не мог же он застрелиться, не оставив надежному человеку свой архив? Понимаешь, какое тут дело. Обыски у него в городской квартире и в Академгородке результатов не дали, – доверительно наклонившись к самому лицу девушки, прошептал капитан, – А вчера ЗИС Каменова видели около твоего дома в Большом Гнездниковском. И, причем, что самое интересное, уже не в первый раз. Ты ведь там живешь? – уловив слабый кивок девушки, продолжил:

– Мужа у тебя нет. А значит, что у нас получается? А получается, милая моя, что ребенок этот, – вдруг рывкнул следователь и несильно толкнул Машу ногой в живот, – профессорский. И оставить документы он мог только тебе. Поняла, подстилка кабинетная? – заорал он и, схватив девушку за волосы и накрутив их на кулак, поволок по полу в центр кабинета.

– Так что либо ты нам все рассказываешь и показываешь, где документы, или, – он гадко усмехнулся, откровенно разглядывая исцарапанные ноги девушки в разодранных чулках, – или мы тебя прямо сейчас разложим здесь на троих, и это, я обещаю, будет самым приятным из того, что тебя ждет впереди. Ну? – рывкнул он, – будешь говорить?

– Поверьте, я, честное слово, ничего не знаю, – пролепетала Маша, судорожно одергивая снова задравшееся до пояса платье и не сводя испуганных глаз с капитана, который, пожав плечами, уселся перед ней на жалобно скрипнувший стул, закурил и, забросив ноги в начищенных до блеска хромовых сапогах на стол, спокойным голосом приказал:

– Ну тогда раздевайся.

– Как раздеваться? – еле слышно пролепетала она.

– Догола, естественно...

Алтай, ноябрь 1959

Профессор Тетерников развязал тесемки рюкзака и достал с самого дна пухлую полевую сумку. Затем зажег «летучую мышь» и склонился над потертым целлулоидом, сквозь который хорошо была видна первая страница рукописи, исписанная стремительным угловатым почерком профессора Каменева:

«...14 месяца Козы, 12 дня Земли разверзнется *Syava sara* (черная голова) первой пещеры, что в *asta bann* (в восьми днях) от *arvant arge* (быстрой глубокой воды), где пасутся *aspa ansura* (белые лошади) и тогда вспыхнет *sugda* (священный) и *ugra* (мощный) огонь. *Raxway* (пронзит) он *pita* (отца) и его *bala* (военную дружину). И предстанет каждый из них перед почившей. И откроются *drava* (врата) *putura* (сыну) со священным щитом и не убоится он огня и станет мужем *Zariva* (царевны) на века. И тогда *spada* (войско) его останется с ним. И обретет он *spanta sati* (бессмертие), и все *zarayua* (золото) мира будет его и не будет для него границ между миром мертвых и миром живых, между прошлым и будущим. Когда высохнет русло реки. Все сможет он...»

Профессор убрал сумку обратно в рюкзак и, выглянув из палатки, крикнул в темноту:

– Гриша, вы еще не улеглись?

– Нет. Сейчас затушу костер, и будем устраиваться.

– Хорошо. Перед сном загляни, пожалуйста, ко мне.

Через несколько минут Григорий залез в палатку профессора и шепотом спросил:

– Что, папа?

– Завтра в районе десяти вечера мы будем на месте. Не забудь рюкзак с древним щитом.

Войдешь в пещеру одним из первых. Запомни, что бы ты там не увидел и что бы не произошло, ты должен остаться в пещере. И ничего не бойся.

– А я ничего и не боюсь. Отец, а нельзя как-нибудь сделать так, чтобы вы с Лизой не входили туда? Или хотя бы предупредить ее, как себя вести?

– Это не поможет. Ты же читал текст, сохранившийся на скифском щите? Все должно закончиться хорошо. Так что не начинай заново. Мы с тобой все решили. Ты не хуже меня знаешь – обратного пути уже нет, – рассердился профессор. – Все. Иди спать и помни: Лизе ни слова, ни полслова. Иначе ты все испортишь. Ступай.

Григорий развернулся и, наклонившись, молча вышел из палатки в темноту ночи.

Профессор же неторопливо завязал тесемки на входе в палатку, снял куртку и залез в спальный мешок. Бросил взгляд на часы – 22.00. Снова достал рукопись, пролистал от начала до конца, задерживая взгляд на некоторых страницах. Закончив читать, быстро убрал обратно. Часы, наконец, показали полночь. Профессор встал, накинул куртку и, осторожно расшнуровав выход из палатки, вылез наружу. Стояла безветренная морозная ночь. Призрачный лунный свет как нельзя кстати почти совсем не пробивался сквозь низкие тяжелые облака. Тетерников посмотрел направо, туда, где темнела палатка, в которой расположились на ночлег офицеры КГБ. Вокруг стояла тишина. Ни разговоров, ни огонька. Лагерь спал. Прижимая к груди планшетку с рукописью, профессор осторожно двинулся по крепкому снежному насту налево, поднимаясь все выше по самой кромке заснеженного берега ручья. Прошел метров двести, оглянулся и, убедившись, что за ним никто не идет, присел за огромный камень, черной скалой возвышающийся из русла ручья и окруженный со всех сторон тонким прибрежным льдом. Профессор расстегнул планшетку, достал рукопись, взял верхний лист и быстро поднес к нему пляшущий на ветру огонек бензиновой зажигалки. Пламя радостно побежало вверх, и профессор бросил горящий лист на лед. Туда же полетели один за другим остальные листы манускрипта. Через несколько минут пламя охватило всю рукопись, а еще через минуту все было кончено. Профессор посмотрел на горстку сторевшей бумаги, черным пятном темнеющую

на белоснежном прибрежном льду, и с силой ударил по нему ногой. Лед негромко хрустнул, покрылся паутиной трещин и рухнул в холодную воду ручья. Течение быстро подхватило обломки оплавленного льда со следами пепла, и ручей с тихим журчанием навсегда поглотил прах рукописи. Убедившись, что все сделано на совесть и рукописи больше не существует, профессор, наконец, присел на камень и, едва переведя дух, закурил.

Москва, Лубянка, наши дни

– Товарищи офицеры, – скомандовал Суходольский, как только распахнулась дверь и в кабинет быстрым шагом вошел генерал Тарасов.

Мы встали по команде из-за стола и, дождавшись, пока генерал пройдет на свое место и махнет рукой, сели на место.

– Итак, – генерал обвел нас начальственным взглядом, – кто из вас доложит первым?

– Разрешите? – первой поднялась я.

– Ростова, докладывайте, – кивнул генерал.

– Итак, сначала в двух словах. В ноябре 1959-го Академией наук СССР была организована научная экспедиция на Алтай в составе девяти человек. Возглавлял экспедицию профессор Тетерников. На пятый день пути лагерь путешественников погиб под лавиной. В живых не осталось никого. Это, так сказать, фабула. Теперь – подробности. Задача экспедиции обозначена в архивах, да и в уголовном деле о гибели девяти человек, на мой взгляд, весьма туманно. По информации следователей, которые разбирались тогда со всем этим, профессор Тетерников со своими сотрудниками должен был пройти по местам древних стоянок и захоронений скифских племен. А также исследовать уникальные каменные алтари древней кочевой цивилизации. Так что задача перед учеными стояла вполне мирная. Однако, в этом деле, на мой взгляд, есть очень много шероховатостей и совершенно непонятных моментов. Например, почему экспедиция отправилась в путь в ноябре? В это время года на Алтае уже свирепствуют сильные морозы. Так что заниматься какими-либо раскопками на местах стоянок скифов в это время года, как вы сами понимаете, вообще невозможно. В ноябре уже ложится довольно массивный снежный покров. Спрашивается, как ученые собирались под снегом не только обнаружить эти самые места обитания древних племен, но и исследовать их? Абсолютно непонятно. К тому же в состав группы Тетерникова по каким-то уж совсем загадочным причинам входили два сотрудника КГБ. Зачем? Опять неясно. Теперь о вероятной причине трагедии. По официальной версии, всех членов экспедиции погребла под собой внезапно сошедшая с гор лавина. Но в состав экспедиции входили очень опытные альпинисты. Как они могли проморгать такую пусть и теоретическую опасность? Ведь даже начинающие скалолазы знают назубок все признаки формирования снежных лавин и умеют безошибочно определять лавиноопасные места. И уж тем более никогда не позволят себе остановиться лагерем там, где существует хоть малейшая опасность столкнуться со столь неприятным явлением природы. Кроме того, вызывает несомненный интерес то, что трагедия с группой Тетерникова произошла буквально в нескольких сотнях метров от высокогорного плато, на краю которого летом 1993 года археологи Института археологии и этнографии Российской Академии наук обнаружили неизвестную ранее пещеру. В ней оказалось богатое скифское захоронение. Начались раскопки, как предполагалось, вполне рядового могильника. Однако, вскрытие захоронения неожиданно привело ученых к целому ряду уникальных открытий. Ученые, тщательно исследовав содержимое гробницы, нашли в нем останки лошадей в богатейшей сбруе, железные ножи, глиняную посуду, а под ними в деревянном саркофаге лежала женщина определенно европейской внешности, совершенно несвойственной коренным жителям Алтая. В общем, перед учеными неожиданно предстала самая настоящая мумия, причем прекрасно сохранившаяся. Так вот, в местном фольклоре задолго до открытия этой гробницы существовала древняя легенда, повествующая об удивительной женщине – могущественной и прекрасной принцессе Алтая: «...на высокогорном плато, на юге Алтая, раскинувшись на высоте около трех километров над уровнем моря, у подножия великих гор Табын—Богдо—Ола, находится таинственный горный мир, населенный сынами неба». Далее в легенде говорится, что, по рассказам древних скифов, осевших на этих землях много тысяч лет назад, до них эту местность населяли могущественные

существа, сошедшие на нашу планету со звезд и обладающие сверхъестественными способностями. А совсем рядом с ним, среди недостижимых для обычных людей высоких вершин великих гор Табын-Богдо-Ола жил тогда великий и могущественный Хуанди...

– Ростова, – недовольно заворчал генерал, – ты опять за свое? Ты действительно всерьез полагаешь, что все это может иметь отношение к экспедиции Тетерникова?

– Возможно, что самое прямое. Поскольку, как рассказывают скифские предания, после нескольких лет проживания на Земле Хуанди и часть его команды вошли в пасть огнедышащего дракона, отлитого из меди, и, как гласят легенды, улетели назад к звездам. Кстати, по преданию звёздных десантов было два и их высадка имела место быть не только на Алтае, но и на территории современной Чили, – сделала я эффектную, как мне показалось паузу и замолчала.

– Ростова, не знаю как это у тебя получается... поперед бабки в пекло, но ты и на этот раз угадала. О Чили, а вернее чилийских Кордильерах мы еще сегодня поговорим обязательно, – как-то странно посмотрев на меня пробормотал генерал, – а пока мы все внимательно слушаем про Алтай.

– Я думаю, что группа профессора Тетерникова вовсе не собиралась изучать какие-то там мегалиты, как указано в официальном научном плане института, а напрямик направлялась к этой самой пещере, которую древние скифы, как выяснили ученые, называли пастью дракона, а местные жители испокон веков именуют гору, у подножия которой находится эта пещера – горой мертвецов. Я очень тщательно проанализировала маршрут группы. И вот, пожалуйста, что у меня вышло – я положила перед генералом карту Алтая, – это их маршрут, места стоянок, место гибели. А здесь, – поставила я жирную точку карандашом, – обнаруженная археологами в 1993 году пещера. Сами видите – они явно шли к пещере и вполне целенаправленно, – я снова ткнула карандашом на место гибели ученых, – и я почти уверена, что все они погибли не от лавины, а после того, как попытались войти в пещеру.

– Как раз по твоим выкладкам выходит, что до пещеры они не дошли. На каком расстоянии от нее были обнаружены трупы? – генерал нетерпеливо постучал по столу пальцами.

– На расстоянии от 30 метров до полукилометра. Разброс тел был зафиксирован довольно значительный. Кроме того, местные жители наблюдали на горе мертвецов яркую вспышку и огненные шары, которые...

– Стоп. Никаких огненных шаров, будем считать, там не было. А что касается членов экспедиции... Все трупы были обнаружены на большом удалении от пещеры. Значит что? Правильно. Значит, в пещеру они не входили. Все это больше смахивает на простое совпадение. Ну сама посуди, откуда они могли еще в 1959 году знать о существовании пещеры, которую археологи открыли только в 1993 году? И потом, ученые, обнаружившие пещеру в 93-м, не только входили в нее, но даже занимались там раскопками. И ничего с ними не случилось. Ведь так? Я все правильно понимаю? – с сарказмом усмехнулся Тарасов, – а раз так, то и нечего забивать себе голову разной ерундой. Будем считать, что трагедия разыгралась в непосредственной близости от скифского могильника по чистой случайности. И давай-ка поставим на этом жирную точку. Алтайский край, насколько я знаю, весь пронизан древними легендами и сказаниями. И там в любом селении старожилы тебе такого порасскажут, что разобраться со всем этим целой жизни не хватит. Так что будем считать, что историю про скифов и инопланетян мы внимательно выслушали и прониклись, а теперь давай-ка, все-таки, по существу дела. Ты подготовила аналитическую справку по несчастным случаям с туристами за 1959 год?

– Да, подготовила. Разрешите зачитать? – не слишком вежливо буркнула я.

– Зачитывайте.

– Всего за указанный период в различных походах погибли пятьдесят туристов. Из них 27 человек входили в состав туристических групп, где в результате несчастных случаев погибли один или несколько человек. Эти эпизоды по понятным причинам я опускаю. А вот 23 чело-

века входили в состав групп, погибших полностью, но для полноты картины я постаралась проанализировать практически все похожие случаи. Картина вырисовывается неоднозначная. Итак. Ноябрь 1959 года погибла группа Тетерникова на Алтае – 9 ученых-археологов, февраль 1959 года, группа Дятлова – 9 туристов из Свердловска на Урале, январь 1973 года – группа Кузнецова – 10 туристов из Куйбышева в Мурманской области, август 1993 года – группа Коровиной – погибли 6 туристов, выжила только она девушка. У всех погибших установленная причина смерти – переохлаждение, но все, на мой взгляд, не так однозначно. – Я сделала паузу и выжидательно посмотрела на начальника.

– Дальше, – генерал решил воздержаться от комментариев и только махнул рукой.

– Так вот, что касается трагедии в Карпатах, там все чисто. Действительно, сошла лавина и накрыла пятерых студентов. Все они не имели серьезного опыта и характеризуются, как любители. Инцидент не имел абсолютно никакого резонанса. Небольшая заметка в криминальной хронике нескольких местных газет и все. Через несколько недель после трагедии об инциденте забыли. Несогласных с заключением судебно-медицинской экспертизой и выводами следствия по делу не нашлось, в том числе и среди родственников. Теперь, что касается трагедии на Урале...

– Коротко доложите по Бурятии и Мурманской области и завершите отчет подробным докладом по группе Тетерникова, – резко перебил меня генерал.

Я запнулась, соображая, что бы это значило и посмотрела на Суходольского, который как всегда лишь пожал плечами и опустив голову, уткнулся в бумаги, делая вид, что готовится к докладу. Я хотела было разозлиться, но потом решила не лезть в бутылку и спокойно продолжила: Бурятия. В августе 1993 года в Иркутск из Казахстана по железной дороге прибыла группа туристов из семи человек, для того, чтобы отправится на хребет Хамар-Дабан. Синоптики обещали подходящую для восхождения погоду, и группа отправилась в горы. В ее составе было трое юношей, три девушки и 41-летняя руководительница, имевшая звание мастера спорта по пешеходному туризму. С погодой синоптики, однако, не угадали. Со слов бывшего замначальника Забайкальской региональной поисково-спасательной службы, несколько дней в горах шел снег с дождем, дул сильный порывистый ветер.

Приблизительно в 11 часов дня 5 августа, когда туристы уже собирались покинуть временную стоянку, одному из парней стало плохо. Далее со слов единственной выжившей туристы стали падать один за другим. Шесть человек умерли почти одновременно – перед этим они катались по земле, рвали на себе одежду, хватаясь за горло. Выжившая девушка сказала, что у некоторых шла кровь из ушей. Сама же она быстро спустилась вниз к лесу, который стоял примерно километрах в трех от места трагедии. И, по-видимому, таким образом быстро покинула эпицентр воздействия.

В 1993 году бурятские судмедэксперты установили при вскрытии, что все туристы погибли от переохлаждения. Мне удалось связаться с бывшим начальником бюро судебно-медицинской экспертизы Республики Бурятия, вот что он рассказал по телефону. – Я положила на стол и включила диктофон:

«– Добрый вечер, Владилен Матвеевич, меня интересуют ответы на три вопроса. Могли ли туристы погибнуть от переохлаждения? Во-вторых, могли ли они отравиться чем-то? И в-третьих, были ли на телах какие-то повреждения?»

– Здравствуйте, Наталья Александровна. Прежде всего мы внимательно изучили внешние условия, в которых произошла трагедия. Необходимо было определить, что могло убить туристов. Ведь все случилось высоко в горах при низкой температуре и сильном ледяном дожде. Плюс нужно было учесть большую физическую нагрузку и кислородное голодание. В таких условиях смерть человека может наступать быстро. Были случаи, когда при подобных обстоятельствах люди умирали от переохлаждения в течение двух часов. При вскрытии нами были обнаружены признаки общего охлаждения организма. В мышцах отсутствовали пита-

тельные вещества. И это дало основание поставить диагноз – переохлаждение. Кроме того, мы выявили у погибших отеки легких и изменения сердца и печени, характерные для белковой дистрофии. Это косвенно позволяло предположить, что они могли голодать. Травмы были зафиксированы незначительные, возможно полученные при падении с высоты роста. Таким образом, вопрос почему шесть туристов погибли в считанные минуты и из-за чего разные по физической форме люди, прошедшие за 4 дня акклиматизацию в высокогорье, упали замертво с признаками белковой дистрофии, до сих пор остается открытым...»

Теперь по группе Кузнецова. В конце января 1973 года десять студентов авиационного института города Куйбышев ныне Самара, отправились в лыжный поход на Кольский полуостров. Маршрут был выбран несложный – II категории. По плану на переход отводилось меньше недели: 25 января группа вышла из поселка Редва, а уже 31-го должна была добраться до Кировска. На второй день пути при прохождении перевала в горах Ловозерских тундр над рекой Чивруай при невыясненных обстоятельствах все десять человек погибли. Официальная причина смерти – переохлаждение.

Первых погибших обнаружили случайно: с отставанием в один день тем же маршрутом шла группа студентов МАИ. На перевале они наткнулись на уже почти занесённые снегом пять тел. Сделали фотографии, нашли в вещах погибших документы одного из руководителей группы и, дойдя до Кировска, доложили спасателям о ЧП. Позже к поискам были привлечены военнослужащие из Кандалакшской дивизии. Ещё двух членов группы удалось найти только в марте. Их тела находились примерно в 300 м от места обнаружения первых погибших. Через месяц в 3 км от основной группы нашли еще 2 тела. По мнению спасателей, молодые люди шли в сторону Умбозера, пытаясь найти варианты для спуска с плато. Сил вернуться назад им не хватило. Все материалы по факту гибели десяти человек пропали или были уничтожены. Ребят в Куйбышеве по неизвестной причине хоронили в закрытых гробах. Прокуратура Мурманской области на наш запрос ответила, что в архивах документов о происшествии на Чивруае не найдено и сообщили примерно следующее:

«Прокуратура области не располагает сведениями об органе, который мог бы возбудить уголовное дело в связи с указанным фактом».

В прокуратуре Самарской области также заявили, что материалов уголовного дела в их архивах нет и никогда не было. А если бы даже и было, то оно скорее всего было уничтожено по истечении установленного срока хранения. В МВД России сообщили, что в архивных фондах ведомства также нет никаких документов по Чивруайской трагедии. В Минобороны, которое направляло военных и технику на поиски тел туристов, на запрос о наличии архивных документов, имеющих отношение к трагедии, ответили отрицательно. В нашей пресс-службе мне обещали сообщить, что ответ на запрос займёт не менее месяца, и обещали представить информацию о наличии уголовного дела в архивах КГБ позднее. Сначала я было подумала закинуть туда официальную бумагу, но потом поняла, что эта история не наша. Долгое пребывание на Кольском полуострове действительно негативно влияет на людей. У одних просто болит голова, другие теряют сознание, третьи слышат песнопения и чьи-то голоса. Причина видимо в том, что там существуют так называемые геопатогенные зоны. Согласно тектонической карте, в районе Сейдозера действительно имеются разломы земной коры, происходит активное выделение радона.

Я несколько раз бывала на Кольском полуострове, и никаких проблем со здоровьем никогда не возникало. Более того, я не нашла ни одной научной работы, доказывающей влияние магнитных аномалий на состояние человека. Так что общего с гибелью группы Тетерникова никакой.

– Ростова, – поморщился генерал, – вы сотрудник правоохранительных органов и болеть ничем на должны априоре. Я вас понял. Вы, как всегда подготовили целый трактат, правда на этот раз псевдонаучный. Вы слышали когда-нибудь о таком понятии, как Бритва Оккама?

– ???

– Поясняю. Это принцип, который гласит: если есть два способа объяснить одно явление, следует выбрать тот, что проще.

В философии под этим термином понимается инструмент, помогающий эффективно отбрасывать маловероятные, неправдоподобные объяснения. Еще Стивен Хокинг в «Краткой истории времени» в 1988 году написал, что, может, и существует во вселенной что-то сверхъестественное, но лучше исключить из теории все домыслы, которые мы не можем наблюдать. То есть иными словами, если мы хорошо слышим топот копыт, то это скорее лошадь, чем зебра. Я понятно говорю? А вам, как врачу по образованию, должно быть известно, что современная медицина, официальная разумеется, пользуется бритвой Оккама, например, при определении болезни. Во время дифференциальной диагностики медики рассматривают абсолютно все симптомы болезни которые есть у пациента, а затем постепенно, на основе анализов, исключают не подтвердившиеся и маловероятные диагнозы. Так, при эпидемии банального гриппа пациента, проявляющего симптомы этой вирусной инфекции, скорее всего будут лечить именно от него, а не от чего-то более редкого и экзотического. Другими словами лечить его будут сначала от гриппа и в последнюю очередь от пляски святого Витта.

– Извините, но я считаю, что принцип избыточного упрощения при недостатке информации крайне опасен. – не сдавалась я. И совершенно согласна с Альбертом Эйнштейном, который так сформулировал принцип бритвы Оккама: «Всё следует упрощать до тех пор, пока это возможно, но не более того».

– Да, утверждать о существовании объекта, явления, связи между ними, закономерности и тому подобное можно. Но лишь при наличии оснований, то есть фактов или логических выводов из этих фактов, подтверждающих это суждение. – парировал генерал. К тому же рассматривая простое и сложное объяснения с точки зрения этого принципа, легко увидеть, что, если простое объяснение является полным и исчерпывающим, то для введения в рассуждение дополнительных компонентов просто нет достаточных оснований. Как в нашем случае.

– Но если посмотреть с другой стороны, то если такие основания есть – значит простое объяснение уже не является полным и исчерпывающим то есть условия для применения вашей бритвы Оккама не выполняются.

– Тогда, Ростова, раз вы уперлись и вас так сказать, на кривой козе не объедешь, потрудитесь собрать больше фактов. Реальных весомых фактов, а не этих ваших домыслов и фантазий. Пока я ваш начальник, я буду придерживаться своей гипотезы. Нулевой гипотезы и принимать по умолчанию, что не существует связи между двумя наблюдаемыми нами событиями, во всяком случае пока вы не сможете мне доказать обратное.

Иными словами – If it looks like a duck, swims like a duck and quacks like a duck, then it probably is a duck¹.

Проще, Ростова, проще нужно быть. А то вас опять поволокло не знамо куда. Я молчу, не прерываю, а вы и рады стараться...

– Я считаю, что «duck-test²», не применим к нашей ситуации, слишком мало информации, – не сдавалась я. Я бы здесь процитировала первое следствие Закона Мерфи:

– «Всё не так просто, как кажется на первый взгляд».

– И тем не менее. Ростова, я надеюсь мы поняли друг друга. Вернитесь с небес на землю. Продолжайте. Что еще у вас есть по Тетерникову?

– Вчера я беседовала с вдовой профессора Тетерникова. Она, как мы и предполагали, точной информацией о научных изысканиях мужа не располагает. Или не хочет об этом говорить. За время нашего общения у меня сложилось впечатление, что вдова явно что—то не договари-

¹ Если нечто выглядит как утка, плавает как утка и крикает как утка, то это, вероятно, и есть утка. (англ.). Прим автора

² Утиный тест, иногда дак-тест (англ. duck-test). Прим. автора

вает. И еще. О сыне Григории, погибшем вместе с ее мужем, постоянно говорит, как о живом. Так вот, к концу разговора у меня даже появилось стойкое убеждение, что она именно не оговаривается, а на самом деле уверена, что ее сын жив.

– Ну этому-то как раз может быть и вполне логическое объяснение. Ведь тело ее сына на месте трагедии найдено не было. Вот она, как мать, вероятно, все еще надеется и ждет. Что еще? – спросил генерал.

– Я же говорю, ничего. За исключением того, что у Григория была невеста. Лиза Каменева. По ней тоже, считаю, нужно будет собрать всю возможную информацию. Пока же нам известно только, что она погибла вместе со всеми в той самой экспедиции. Для качественного понимания полной картины необходимо отработать все возможные связи и прижизненные контакты. И еще. Маргарита Петровна утверждает, что тело ее сына не только было найдено, но она сама же его и хоронила. Правда, в закрытом гробу.

– Вот даже как? – удивленно изогнул бровь генерал. – Интересно. А из материалов дела следует совершенно другое. Ваше мнение?

– Вполне возможно, что тот факт, что тело одного из участников экспедиции найти не удалось, был скрыт от родственников умышленно. Как говорится, в интересах следствия.

– Похоже на то. Но все равно стоит прокатиться на место захоронения Григория и осмотреться на месте. Кстати, а где он похоронен?

– На Ваганьковском. Рядом с отцом.

– Вот Суходольский завтра и займется этим. Необходимо посмотреть могилку. Ибо, по всей вероятности, придется проводить эксгумацию. Для полноты, так сказать, картины. Кстати, Ростова, ты подготовила все имеющиеся фотоматериалы по алтайской трагедии?

– Конечно, – я протянула генералу флэшку.

– Молодец, – генерал взял ее и вставил в компьютер. – Теперь о главном. Из-за чего, собственно, разгорелся весь этот сыр-бор. Вы, наверное, удивлены, чего это генерал пытается вас о делах давно минувших дней? Дело в том, что, как недавно стало известно из агентурных источников, в прошлом году в чилийских Кордильерах, – генерал выразительно посмотрел на меня, сделав паузу, – в полном составе погибла американская научная экспедиция. Чем они там занимались, нам пока неизвестно. Зато известно другое, – генерал выдержал эффектную паузу, – абсолютно идентичный случай был зафиксирован у нас на Алтае в 1959 году. Именно поэтому я попросил вас собрать мне всю имеющуюся на сегодняшний день информацию по той давней трагедии. А теперь, товарищи офицеры, давайте поиграем в игру под названием «Что? Где? Когда?». Внимание на экран, – генерал развернулся к прозрачному стеклянному экрану, висевшему у него за спиной. – Это фотографии, которые удалось получить с места гибели американской экспедиции, – генерал взял лазерную указку, и тут же на экране появились цветные снимки.

– Как вы видите, расположение тел на месте трагедии в Чили и на Алтае практически идентично. Кроме того, и в первом, и втором случаях трупы полураздеты. Причем, одежда на всех без исключения телах сильно повреждена. Складывается полное впечатление, что пострадавшие в панике сами срывали с себя одежду. Но при этом какого-либо постороннего воздействия на людей зафиксировано не было. То есть я хочу сказать, что причин для паники у них вроде бы как и не было.

– Товарищ генерал, – не совсем тактично перебила я начальника, – вы сказали, что причин для паники не было. Я не могу говорить за америкосов, но в случае на Алтае, как я уже докладывала, в ночном небе местные жители наблюдали светящиеся шары и сильнейшую вспышку на вершине горы. Разве такие необычные природные явления не могут послужить причиной для паники?

– Теперь обратите внимание на лица погибших, – генерал сделал вид, что не слышал ни моей реплики, ни вопроса. – Вне всякого сомнения, все эти люди перед смертью испы-

тали сильный испуг. Причем, и в первом, и втором случаях, – генерал повысил голос, но так и не удостоил меня даже взглядом. Хотя по его интонации даже мне стало понятно, что терпение моего начальника уже на исходе.

Но я решила просто так не сдаваться:

– А есть данные, какие повреждения были зафиксированы на телах погибших? Я имею в виду американцев, – спросила я, все еще находясь под впечатлением от увиденного.

– Ну, Ростова, вы как всегда. Слишком много хотите. Американская сторона нам свои результаты, как вы сами понимаете, никогда не предоставит. Поскольку экспедицию они снаряжали в обстановке строжайшей секретности и мы, по идее, о ней ничего знать не должны. Впрочем, я жду дополнительной информации от нашего агента, предоставившего нам эти снимки. Возможно, что-то он и сможет добавить. Но маловероятно. Поскольку наш человек занимает там должность руководителя среднего звена и необходимой степени допуска к секретной информации такого рода не имеет. Но в любом случае, он уже и так сделал немало. Так что, за неимением большего, будем исходить из того, что есть. А именно, судя по внешнему виду тел, повреждения если и были, то внутренние. Заслуживает внимания и внешний вид глаз пострадавших. На снимках вы можете хорошо видеть, что глазные яблоки у всех трупов напоминают сваренные вкрутую яйца. Пока это все. Суходольский, вам слово.

– Касательно результатов вскрытия погибших членов экспедиции Тетерникова: внешние повреждения на самих телах незначительные. Ушибы, ссадины. А вот внутренние повреждения достаточно серьезны. В отдельных случаях имеют место даже множественные переломы ребер. Все это, конечно, как вы сами понимаете, никак не может быть вызвано падением с высоты человеческого роста и, естественно, возникает целый ряд «непоняток». Простите за выражение. Теперь, что касается глаз потерпевших. Состояние сетчатки вызывает еще большее количество вопросов. Дело в том, что у всех членов экспедиции глаза подверглись, как утверждают эксперты – воздействию неизвестного происхождения. Возможно, это было какое-то излучение. Какое, пока не ясно. Но, вне всякого сомнения, оно вызывает полную и необратимую слепоту вследствие сильнейшего ожога сетчатки и следующего за ним обширного отека тканей глазного яблока.

– То есть все члены экспедиции по неизвестной нам пока причине ослепли? А разве сильная вспышка неизвестной природы не может вызвать такого рода повреждения глаз? – не унималась я.

– Нам об этом ничего неизвестно. Во всяком случае, пока. Хотя, возможно, подчеркиваю, возможно, вы в чем-то и правы. Если все же отталкиваться от официальной версии, то все они погибли от переохлаждения. Вероятно, именно слепота не дала возможности потерпевшим, во-первых, выбраться из-под снега, а во-вторых, развести костер и обогреть себя. Упреждая ваш следующий вопрос, Ростова, сразу уточню: у членов экспедиции следов алкоголя в крови не обнаружено.

– А... – открыла было я рот.

– А тот медицинский спирт, который был во флягах ученых, был именно этиловым, – перебил меня генерал. – То есть метилового спирта у погибших не было. Хотя, я понимаю, что, на первый взгляд, картина смерти от метанола очень типична. И дает полную клиническую картину, возникающую у человека при употреблении внутрь по ошибке, либо в результате чьего-либо злого умысла, метилового спирта. Если, конечно, не брать в расчет состояние тканей глаз потерпевших.

– А вы не допускаете вероятность того, что все-таки мы имеем дело с банальным отравлением метиловым спиртом? – прямо спросила я. Клиническая картина действительно типична для отравления метанолом. Результаты экспертизы не могли были подтасованы?

– Что вы имеете в виду? – нахмурился генерал.

– Ростова, по-видимому, имеет в виду, что членам экспедиции по ошибке, а может, и умышленно, могли выдать вместо безвредного, а в зимних условиях даже полезного медицинского спирта – метанол, – подал реплику Суходольский.

– Вот именно. И чтобы скрыть чью-то преступную халатность, результаты экспертизы, как бы это покорректнее выразиться? Ну, немножко изменили, что ли? – развела я руками.

– Ну, допустим, что все так и было. Хотя это и маловероятно, – задумчиво произнес Тарасов. – Но как тогда быть с американской стороной? У них тоже перепутали и выдали отраву вместо качественного продукта? Что-то я не верю в такие совпадения. Кроме того, когда вы ознакомитесь с материалами вскрытия и судебно—медицинской экспертизы, то, вне всякого сомнения, обратите внимания на тот факт, что у потерпевших зафиксированы разной степени ожоги сетчатки. И это – следствие именно внешнего воздействия. А вот какого, это вам, Ростова, и предстоит выяснить.

– Разрешение на эксгумацию мы сможем получить? – решила я сразу взять «быка за рога».

– Сможем, – сразу согласился генерал. – Необходимо будет сделать повторную судебно-медицинскую экспертизу. Думаю, что при грамотной аргументации мы получим необходимые бумаги. Хотя, подозреваю, что это будет очень непросто, – заерзал на стуле начальник. – В этой связи, вам в срочном порядке необходимо подготовить мне обзорную справку по причинам смерти всех участников алтайской экспедиции. В оной все изложить предельно коротко. Отразив только суть вопроса. Все самое, на ваш взгляд, важное. И главное – к завтрашнему вечеру доложить мне рабочие версии. Ростова, вам все понятно? Под рабочими версиями я имею в виду именно рабочие версии. И чтобы ни о каких инопланетянах, шаманах и прочей нечисти я больше от вас не слышал! Свободны! А тебе, Ростова, что, письменное распоряжение нужно? – генерал повысил голос, видя, что я продолжаю сидеть, несмотря на то, что остальные ринулись из кабинета, что называется, теряя тапки.

– Товарищ генерал, разрешите задержаться? – спросила я, дождавшись пока, наконец, за Суходольским закроется дверь.

– Ну, что там еще у тебя? – устало заворчал Тарасов, – излагай, только быстро, – и посмотрел на часы, – у меня селектор через десять минут.

– Товарищ генерал, я вас дольше пяти минут не задержу. Может быть, я, конечно, непроходимая дура, но мне пока совершенно не ясна задача, которая перед нами стоит. Какова цель всех наших последних, так сказать, телодвижений? Что мы должны найти? Или кого? Понимаете, я не могу плодотворно работать, не видя перед собой конечной цели...

– Ростова, вы у нас не дурочка, а золотце. Поверить не могу, что во всем отделе только у одного сотрудника возник этот вопрос. Да... – развел руками генерал. – Поскольку времени у нас мало, поясню вкратце. Наша задача – найти бумаги Тетерникова. Выяснить, какими исследованиями он занимался, и если результаты его работ оказались за океаном, то каким образом. А уже имея эту информацию, оценить весь, так сказать масштаб. То есть дать предварительное заключение относительно того, представляют ли те давние научные наработки профессора в настоящее время какую-либо угрозу обороноспособности нашей страны. А окончательное и авторитетное мнение выскажут уже ученые мужи. Но для этого им нужны документы и научные выкладки профессора Тетерникова. Без них мы не поймем с каким именно феноменом столкнулись наши ученые. Поняла?

– Теперь более-менее все ясно. Спасибо.

– Ну, а раз тебе теперь все ясно, то вперед и с песнями...

Москва, июль, наши дни

– Наташка, что ты там сегодня так упорно плела генералу про легенды древнего Алтая? – Мишка повернулся и достал из холодильника запотевшую бутылку водки. – Зря ты злишь старика.

– Мы, конечно, не можем судить о том, что именно воздействовало на американских ученых... – проговорила я, задумчиво глядя на Суходольского, накрывающего на стол. – Но вот что касается группы Тетерникова... Понимаешь, Мишка, какая петрушка, в материалах дела зафиксировано, что у членов нашей экспедиции было в общей сложности шесть фотоаппаратов. Два «ФэДа» и четыре «Зорких». Так вот, эти два «ФэДа» так и не нашли, но вот остальные аппараты были обнаружены и приобщены к делу. И самое интересное то, что в одном аппарате хорошо сохранилась отснятая пленка. Мне удалось посмотреть несколько снимков, сделанных членами экспедиции. Так вот, на последнем кадре пленки, заряженной в фотоаппарате «Зоркий», запечатлена очень яркая вспышка. По данным экспертизы, это именно вспышка света, причем очень мощная, засветившая почти весь кадр. О дефекте пленки в данном случае речь не идет. Мало того, ты обратил внимание, как генерал рывкнул на меня едва я заикнулась про группу Дятлова? А ведь дятловцы погибли при точно таких же обстоятельствах! Конечно, навскидку, но параллель – налицо. Как думаешь, чего это Тарасов так взъелся, услышав о Дятлове?

– Наташка, ты же знаешь, – Суходольский ловко свернул пробку с аппетитно запотевшей бутылки водки и продолжил, – старик терпеть не может всех этих твоих мистических составляющих. А на Урале... Нет, ты только почитай, что в интернете про экспедицию Дятлова пишут. То это инопланетяне, то испытания секретного оружия, то... Генерал дал тебе понять, чтобы ты не лезла туда. Вот и не лезь.

– Ладно. Его недвусмысленный намек я поняла. Но, согласись – все равно странно.

– Ростова, ну что ты за человек такой непонятливый? Тебе сказали заниматься Алтаем, а ты уже на Урал нос суешь!

– Ладно, поняла я. Хотя, насчет интернета... Я посмотрела мельком... Там, на Урале тоже нашли несколько фотоаппаратов и на одном снимке – такая же вспышка...

– Ростова! Садись уже за стол и забудь про Урал. Там и без нас разберутся.

– Уже забыла. Вернемся к Тетерникову. Вот скажи мне на милость, что могло на столь удаленном и труднодоступном горном плато дать такой яркий световой эффект?

– Наташка, ты просто неисправима. Да такой эффект могло дать все что угодно. Бортовая фара воздушного судна, например, – предположил Мишка, продолжая ловко кромсать докторскую колбасу.

– Мимо. Я уже проверила. Над этим районом в 1959 году не было зарегистрированных воздушных коридоров. И потом, члены группы Тетерникова были отнюдь не дикарями, и их, согласись, вряд ли бы так сильно напугал мирно следующий своим курсом воздушный лайнер. И уж тем более, я абсолютно уверена, что прожектор, каким бы мощным он не был, вряд ли способен вызвать у человека такой сильнейший ожог сетчатки, следствием которого стала бы полная и необратимая слепота. Хотя знаешь... – задумалась я на секунду, – надо проверить, а не было ли, ну так, чисто случайно, у кого-нибудь из членов экспедиции телескопа? Я где-то читала, что если посмотреть в мощный телескоп на солнце, то можно ослепнуть... Хотя, нет, все это бред сивой кобылы. Не могли же все девять человек смотреть в телескоп одновременно. Да и портативных телескопов, в смысле, переносных, тогда еще не выпускали...

– Ну не знаю, – пожал плечами Суходольский, – ладно, давай по маленькой, а потом покумекаем. – Мишка выпил, закусил хрустящим огурчиком и, откинувшись на спинку стула, спростил:

– Слушай, Ростова, а ты сама-то во все это веришь? Только честно? И потом, откуда, по-твоему, Тетерникову было известно о местонахождении пещеры с мумией? Все это как—то шатко. Ты не находишь?

– В общем-то нахожу. Но все равно в этом всем есть что—то такое. Понимаешь, в материалах дела упоминается о каком—то древнем скифском щите. Якобы профессор взял его из Исторического музея для исследования, причем всего за несколько дней до того, как отправиться в экспедицию. И не вернул. А при обысках на квартире и в кабинете профессора реликвию так и не нашли. Хотя вывезли, по словам вдовы, все что можно, включая даже мебели. Для чего-то же он этот щит взял? И не просто забрал из музея, а, по всей вероятности, еще и потащил с собой в экспедицию. Непонятно. Может, именно на щите было что-то написано про пещеру или о том, как ее найти? Ладно, завтра утром, – я посмотрела на часы, – часикам к десяти заеду к вдове профессора, нам нужно получить ее согласие на эксгумацию. Если все будет нормально, отзвонюсь тебе. А ты с утра дуй прямо к генералу, заберешь у него постановление на эксгумацию. Потом бери за хобот следователя и сразу – на Ваганьково. Надеюсь, с эксгумацией ты справишься и без меня.

– Но, Наташка... – попробовал завести старую пластинку Суходольский.

– Ладно. Пошутила я. Завтра на Ваганьково вместе поедем. Все равно мне туда Маргариту Петровну везти. Заодно папину могилу навещу.

Москва, Ваганьковское кладбище, июль, наши дни

Следователь Прокуратуры, молодая красивая девка из нашего Следственного управления, сразу видно, вчерашняя выпускница Академии, вырядилась на подобного рода следственное действие, мягко говоря, слегка вызывающе. Молодежный тонкий пуловер, переливающийся всеми цветами радуги, яркая клетчатая мини—юбка. Завершали прикид цветные полосатые гольфы, как у клоуна, и кроссовки совершенно невообразимого ядовито —желтого цвета.

– Ну и паца, – присвистнул Суходольский, едва она вылезла из черной служебной «Волги», поправила роскошные темные волосы, упавшие на лицо, и стремительным шагом направилась к нам.

– Всем привет, – запанибратски поприветствовала она нас, хотя видела впервые. – Ну что, все в сборе? Вдова и понятые на месте? Возражений не имеется?

– Маргарита Петровна не вдова, а мать, – тихо поправила я ее.

– Хорошо. Я вас услышала. Судмедэксперт на месте? Отлично. Понятые? Это, я вижу, вы, молодые люди?

Молодые люди запойного вида лет под сорок, небритые и сильно помятые, дружно закивали.

– Если все в сборе и возражений ни у кого не имеется, то можем начинать, – следователь достала из ярко—желтой сумочки и включила маленький блестящий диктофон:

– Начало – 13.30 часов, эксгумацию тела Тетерникова Григория Львовича проводит следователь Прокуратуры лейтенант юстиции Сими́на Александра Владимировна. Следственные действия проводятся в присутствии судебно-медицинского эксперта Тэ Пэ Иванова. Съёмка следственных действий производится... – сунула она диктофон под самый нос судмедэксперту:

– Зеркальной фотокамерой SONY, запись производится на флэш—карту один и семь мегабайт, – быстро проговорил он, предварительно откашлявшись.

– Понятые... – следователь покосилась на двух заросших щетиной и оттого поразительно похожих на дикобразов кладбищенских сторожей:

– Молчнов Евгений, – еле внятно пробурчал один из них, пониже ростом, с яйцевидной формой головы и красными, то ли от недосыпа, то ли от беспробудного пьянства слезящимися узкими глазками.

– Представьтесь, пожалуйста, полностью, – недовольно повысила голос следователь, – четко называем свои фамилию, имя, отчество! – и ткнула диктофон прямо мужику под нос.

Тот отшатнулся, еле удержавшись на ногах, и, растерянно озираясь по сторонам, обиженно засопел.

– Ну, смелее, – снова подскочила к нему следователь, – и показав пальцем место в диктофоне, куда нужно говорить, проворчала:

– Так мы с вами до вечера не управимся. А еще гроб выкапывать! Ну, соберитесь уже.

Понятой снова, с опаской глядя на следователя, приблизил губы вплотную к микрофону и, смешно вытянув шею, проблеял:

– Григорьевич я.

– Отличненько. А теперь полностью! Или я что—то непонятно объясняю? – начиная заводиться, громко повторила следователь.

– Молчнов Евгений Григорьевич...

– Теперь вы, – следователь поднесла диктофон его напарнику. Этот мужичок оказался явно покрепче и посообразительней. Он без всяких ужимок, быстрым и ровным, хорошо поставленным приятным баритоном, будто всю жизнь только этим и занимался, представился:

– Кочанов Илья Петрович.

– Могила находится на 196 участке Ваганьковского кладбища. Ухожена. По периметру металлическая ограда, окрашенная в зеленый цвет, – забубнила Симина в диктофон. – Начи-
найте, – кивнула она рабочим, и те с готовностью схватились за лопаты.

Сначала мужики ловко подковырнули лопатами, поставили на попа и отодвинули к ограде массивную гранитную могильную плиту. Затем под их инструментами исчезли все зеленые насаждения заботливо ухоженного цветника, потом в нас полетели комья глины. Мы, устав уворачиваться, отошли чуть в сторонку и закурили. Когда рабочие погрузились в яму уже по плечи, из могилы донесся характерный деревянный стук.

– Стоп, – кинулась к могиле следователь. Но у самой ямы резко притормозила, загля-
нула осторожно, вероятно боясь свалиться вниз. – Осторожно очистите крышку. И подержите
конец рулетки. – С этими словами она бросила рабочим серебристую ленту измерительного
инструмента. Прищурила один глаз, глядя на вытянутую из могилы рулетку, и опять включила
диктофон:

– Гроб находится на глубине один метр семьдесят сантиметров в сгнившем состоянии.
На отдельных уцелевших досках крышки видны остатки обивки. Вероятно, использовался
красный материал. Крышка прибита к корпусу железными гвоздями. Вы снимаете? – оберну-
лась она к эксперту-криминалисту. Уловив его кивок, наклонилась над могилой и крикнула
рабочим:

– Снимайте крышку!

Тотчас из могилы послышался тихий треск отрываемых гнилых досок. Потом все стихло.

– Эй вы, там! – крикнула следователь в яму, – крышку вытащите вверх, и сами выле-
зайте. Мне нужно сфотографировать и описать тело. Вы что там, заснули? Я к кому обраща-
юсь?

– А тут нет никакого тела, – послышался озадаченный голос одного из рабочих. – Гроб
пустой. Ну так что, мы вылезаем?

Я на всякий случай осторожно взяла под руку вдову профессора и сразу почувствовала,
как Маргарита Петровна стала медленно оседать на землю, увлекая меня за собой. Ко мне
кинулся Суходольский, и мы, подхватив женщину под безвольно повисшие руки, усадили ее
на скамейку, очень кстати вкопанную у соседней могилы. Я быстро достала из сумки припа-
сенный заранее раствор аммиака и, открыв флакон, поднесла его к лицу Маргариты Петровны.
Она вздрогнула всем телом и открыла глаза.

Москва, ЦШКО имени Горького, февраль 1937

Тетерников назначил ей встречу, еще точно не зная до конца, что хочет сказать. Но увидев ее прекрасное лицо, чуть тронутое февральским морозцем, решил признаться во всем. Он предложил ей свою руку и сердце, умолял выйти за него замуж. В отчаянии сбивчиво лепетал о том, что не мыслит своей жизни без нее и, в отличие от Каменева, никогда не опустился бы в отношениях с ней до пошлого адюльтера. Она слушала молча и как будто внимательно, а потом вдруг звонко рассмеялась ему прямо в лицо и заявила, что даже если у него и был шанс, то он его уже безнадежно упустил. Потому как она уже несколько недель беременна. Беременна от профессора Каменева! Он был в ярости. Не помня себя, он пришел домой, взял перо и быстро, будто боясь, что совесть наложит запрет на его излияния, настрочил донос в НКВД на своего любимого учителя. Если бы он только мог тогда знать, чем все это закончится!

Подмосковье, Академгородок, октябрь 1959

Тетерникова бросило в жар. Носовой платок, которым он то и дело вытирал лоб, давно промок насквозь, капли пота собирались и капали с кончика профессорского носа на бесценную рукопись. Профессор снял и протер запотевшие очки. Он продолжал читать рукопись, удерживая ее в дрожащих и липких от возбуждения руках. Тетерников понимал, что необходимо успокоиться, взять себя в руки. Тайна, которой владел его учитель профессор Каменев, оказалась слишком страшной. Она абсолютно не укладывалась не только в привычные рамки исторического соцреализма, но и вообще опровергала все, казалось, незыблемые законы природы. Несмотря на это, при всем своем желании профессору Тетерникову не приходило в голову ни одного веского аргумента против доводов, приведенных в рукописи Каменева.

– Нет, – ошеломленно думал Тетерников, нервно теребя мятые страницы, – такого просто не может быть! Все это не более чем вздорный и вредный вымысел, родившийся в воспаленном мозгу сумасшедшего... Хотя, кому как не мне, лучшему ученику профессора Каменева, знать своего учителя. Я же всегда восхищался им, его дерзким и часто своеобразным подходом к работе, стремлением абсолютно все подвергать сомнению и глубочайшему научному анализу... А если к этим его неординарным качествам присовокупить еще и великолепное знание античных языков и скифской клинописи! И, наконец, его на редкость живой ум ученого мужа. И все же, – профессор решительно встал с кресла, – эту рукопись необходимо уничтожить, сжечь, а пепел развеять по ветру. Чтобы ни одного слова, ни одной буквы не уцелело! Страшно подумать, как Каменев – ученый с мировым именем – мог так безответственно отнестись к столь величайшему открытию. Взять и вот так запросто уйти из жизни, пустив себе пулю в голову, а величайшую тайну человечества в виде своей бесценной рукописи оставить на хранение молодой любовнице. Слабой беременной женщине, которой столько пришлось пережить в лагерях. Одному богу известно, как эта женщина выдержала, прошла все круги ада и сохранила доверенную ей тайну. И все равно, Тетерников никак не мог понять, почему профессор Каменев спрятал рукопись в своем доме, в квартире, практически доступной любому вошедшему туда, а не доверился ему – своему лучшему ученику? Профессор содрогнулся при одной мысли, что бы ждало все человечество, попади эти мятые листки, испещренные торопливым угловатым почерком светила отечественной археологии, к этим костоломам из НКВД, проводившим обыск на квартире профессора. Просто чудо, что тайник так и не был ими обнаружен. Не говоря уже о том, что пустая квартира простояла опечатанной столько лет! Только божьим промыслом можно объяснить этот невероятный факт. Ведь стоило только кому-нибудь получить ордер и заселиться в эту квартиру... Ужас! – профессор похолодел, представив, как новые счастливые жильцы втаскивают в старую профессорскую квартиру свои пожитки, мебель. Затевают ремонт. Начинают циклевать потемневший от времени дубовый паркет. Вот одна паркетина отлетает, обнажается небольшая ниша под полом. Рабочий опускает туда свою руку и вытаскивает на свет божий пыльную папку. Удивленно открывает ее, и на только что отциклеванный пол, еще усыпанный свежими стружками, падают один за другим листы... – профессор почувствовал, что стоит еще немного пофантазировать на эту тему, и его точно хватит удар. И тут профессора озарила внезапная догадка:

– Конечно! Профессора кто-то определенно предупредил об аресте, но слишком поздно. И он, хорошо зная себя, будучи уверенным, что наверняка не выдержит пыток, решает добровольно уйти из жизни. Но как он мог так хладнокровно обречь на страшные страдания своего еще не родившегося ребенка, который находился во чреве матери? На что он рассчитывал? Что НКВД не известно о его любовной связи со старшей лаборанткой? Но об этом если не знало, то уж точно догадывалось половина института!

– Определенно, рукопись еще сыровата, – начал понемногу приходить в себя Тетерников. – Здесь не хватает экспериментальной части. Все выводы основываются на скифских текстах, многие из которых еще требуют более детальной расшифровки. Нетрудно было догадаться, что по замыслу Каменева к завершению работы должна была привести полная расшифровка текста, сохранившегося на фрагментах древнего скифского щита, обнаруженного им же на Алтае. Но эту работу профессору завершить так и не удалось. Все в институте знали, что буквально через неделю после возвращения из экспедиции Каменев застрелился. А бесценная находка – скифский щит была передана на хранение в Государственный исторический музей.

Москва, Лубянка, июль, наши дни

– Товарищи офицеры! – скомандовал Суходольский, и мы, как послушные оловянные солдатики, подскочили со своих мест, приветствуя входящего генерала.

Тарасов как обычно быстро прошел к своему столу и кивнул нам, грешным, головой, позволяя сесть.

– Товарищ генерал, разрешите? – поднялась я.

– Давай, Ростова. Все равно лучше тебя никто не доложит. Ну что, более-менее разобрались в ситуации?

– Ну, до полной ясности нам еще пахать и пахать. Сами знаете, что сидя в кабинете на, извиняюсь жо..., много не нароешь.

– Ростова!

– Но в целом картина по группе Тетерникова складывается следующая:

– Пятого ноября 1959 года профессор Тетерников получил разрешение от руководства своего института на проведение научной экспедиции на Алтае. А уже десятого рано утром группа профессора в составе 9 человек добралась поездом до Барнаула. Как я уже вам докладывала, в составе экспедиции были семеро сотрудников института и два сотрудника КГБ. Хронология событий восстановлена мною по обнаруженному на месте трагедии дневнику Тетерникова. Прибыв в Барнаул, они отметились в местном отделении Академии наук и, взяв водителя с машиной, проследовали по Чуйскому тракту до поселка Кош-Агач, а это примерно 550 км. В пути они были примерно 8 час. Учитывая, что Чуйский тракт пересекает два перевала – Семинский и Чике—Таманский, а средняя скорость, которую может развить «полуторка» в данных условиях – 70 км в час. То в Кош-Агач они прибыли около 10 вечера десятого ноября. Заночевали в селе. Утром одиннадцатого оформили документы у пограничников, там уже начиналась пограничная зона, и продолжили свой путь до села Беяши. Ночь экспедиция провела на турбазе. Двенадцатого утром, взяв проводника и сменив машину на лошадей, они отправились дальше. Примерно через три часа достигли долины ручья Судобай. Там, исследуя, как записано в дневнике профессора, какие-то мегалиты, провели остаток дня. Вечером на берегу одноименного ручья они разбили лагерь и заночевали в палатках. На следующий день тринадцатого ноября экспедиция двигалась по следующему маршруту: ручей Судобай – перевал Кара-Булак, который находится на высоте 2800 метров над уровнем моря. Кстати, прямо под этим перевалом и находится плато Укок. Но это я так, уточняю в порядке допинформации. Далее, археологи шли по берегу реки Кара-Булак до перевала и разбили лагерь в верхнем течении рядом с водопадом. По записям в дневнике профессора выходит, что последний переход они совершили за семь часов. На следующий день четырнадцатого ноября экспедиция прошла вдоль горного отрога, спустилась в долину реки Кара—Булак и достигла места ее впадения в реку Ак-Алаха. Далее они следовали по левому берегу реки до горного массива Табын-Богдо-Ола, который местные жители именуют не иначе как «Пять священных вершин». Эти горы обрамляют плато Укока с южной стороны. Далее Тетерников описывает красоты алтайской природы, их я опускаю по понятным причинам, и пишет, что по старинному преданию, название этим горам дал сам Чингисхан. На этом записи в дневнике профессора заканчиваются. Таким образом, – я расстелила на столе генерала карту горного Алтая, – они достигли вышеуказанного горного массива за шесть часов конного перехода и стали обустраиваться на свой последний ночлег, – я обвела на карте круг, – вот место гибели группы.

– Что по метеосводкам района? – спросил генерал.

– Я запросила архив у метеорологов. Они утверждают, что в период с десятого по пятнадцатое ноября 1959 год в интересующем нас районе буранов, метелей и сильных снегопадов отмечено не было. Толщина снежного покрова местами достигла к пятнадцатому ноября

45 сантиметров. Температура воздуха держалась в диапазоне: дневная 18 – 23 градуса ниже нуля, а ночная – 27 – 28 градусов мороза.

– И тем не менее, что-то на фоне внешне мирной и спокойной картины все-таки произошло. И это что-то привело к трагической гибели всех членов экспедиции. Вы ознакомились с отчетами поисковых групп, обнаруживших тела? – генерал встал и принялся по обыкновению своему, прохаживаться по кабинету.

– Товарищ генерал, если акты судебно-медицинской экспертизы худо-бедно еще доступны для ознакомления, хотя и подозреваю, что в сильно усеченном варианте, то с интересующими нас отчетами спасателей, которые вылетали на место трагедии и непосредственно участвовали в извлечении тел из-под снега, все не так просто. Дело в том, что о странных, если не сказать больше, обстоятельствах гибели группы было доложено лично тогдашнему Генсеку Хрущеву. Я думаю, это поспешило сделать именно наше с вами ведомство. И, вероятно, по его личному указанию все лишнее из отчетов было убрано. То есть сохранились только те документы, которые полностью соответствовали официальной версии. А именно: смерть ученых и двух сотрудников КГБ повлекла за собой снежная лавина, похоронившая под собой лагерь и людей. Смерть которых, по заключению медиков, наступила от переохлаждения. То есть, проще говоря, все они замерзли – и точка. От себя, с вашего позволения, еще добавлю, что данная формулировка является очень общей. Это все равно, что написать в медицинском заключении, что смерть наступила от острой сердечной недостаточности. Этот термин означает только то, что у потерпевших остановилось сердце. И ни в коей мере не указывает на истинную причину, повлекшую за собой смерть. Так что, как вы сами видите, если не принимать во внимание все эти яркие вспышки, которые наблюдали местные жители, и другие странности, то нам, – развела я руками, – остается только одно.

– И что же? – прищурился генерал.

– Принять официальную версию, как единственно верную, и сдать все эти документы, – я хлопнула ладонью по большой стопке выцветших папок, лежащих передо мной на столе, – в архив... А еще лучше – в макулатуру. Если, конечно, ее еще где-то принимают.

– Ростова, – повысил голос генерал, – не хаами. Хорошо, я согласен выслушать твои соображения. Что там у нас на этот раз? Шаманы? Или инопланетяне? – Ладно, – Тарасов махнул рукой, увидев, как я после его последних слов поджала губы, – не обижайся. Я весь во внимании, – начальник уселся в свое кресло и, подперев ладонями голову, с обреченным видом приготовился слушать.

– Ну, хорошо, – начала я, – и дабы все же настроить всех здесь присутствующих на деловой лад, сразу скажу, что по своему географическому расположению плато Укок находится в непосредственной близости от государственной границы с Монголией и, соответственно, является частью пограничной зоны. Рядом с плато, всего в нескольких километрах, располагается пограничная застава. Посмотрев на карту местности, я сразу подумала, что если в небе над плато действительно были видны столь яркие вспышки, то, скорее всего, пограничные наряды, несшие службу в непосредственной близости от горного плато, просто не могли их не заметить. А, как мне хорошо известно, любая информация обо всех необычных, как впрочем, и самых обычных явлениях или происшествиях, зафиксированных в зоне ответственности пограннарядов при несении службы по охране госграницы, в обязательном порядке фиксируется в Книге службы. С точным указанием места, времени, описанием самого явления или происшествия и, кроме того, лица, доложившие об этом, собственноручно подписываются под всем этим. Вот, – я вытащила из кожаной папки, которую все время до этого, дожидаясь удобного момента, держала на коленях, лист бумаги – это выписка из Книги службы погранзаставы «Аргамджи» за 14.11.59 года. Здесь, среди всего прочего, есть чрезвычайно интересная и важная для нас запись, – я выдержала эффектную паузу, – зачитываю:

– «Пограничный наряд, в составе ст. сержанта Игнатъева В. С. и рядового Лопатина М. Т. несший службу в «секрете» в урочище Кызылтаж, в 21.07 часов заметил в небе, ориентировочно у подножия горы Найрамдал, яркую вспышку белого света. Вспышка была такой силы, что осветила все окрестности в радиусе более пяти километров. При этом вокруг в течение примерно десяти минут было все видно, как днем...», – я думаю, что это, вне всякого сомнения, является документальным подтверждением того, что вспышка все-таки была. Независимо от того, хотим мы этого или нет, – запустила я в огород моего дорогого начальника увесистый булыжник.

– Ну хорошо, – нехотя согласился генерал, – а что это нам дает?

– Пока не знаю, но впоследствии этот факт может иметь ключевое значение во всей этой истории. Я намерена в ближайшее время связаться по этому вопросу с учеными из Новосибирского института экспериментальной физики небесных тел. Возможно, они дадут какое-либо объяснение этому явлению. Теперь о рабочих версиях. Хочу еще раз обратить ваше внимание на тот факт, что в дневнике профессора Тетерникова имеется запись о том, что 12 ноября утром, перед тем, как группа покинула турбазу и продолжила движение, к ней присоединился некий проводник. Который и сопровождал ученых до самого плато. Таким образом, группа состояла уже не из 9-ти, как нам было известно ранее, а из 10-ти человек. По имеющимся же пока в нашем распоряжении данным, на месте трагедии было обнаружено всего восемь трупов. Я говорю «пока», так как уверена, что все сохранившиеся сведения об этом происшествии, мягко говоря, кем-то умело подкорректированы. Так вот, на плато были обнаружены, повторюсь, восемь тел. Тела Григория Тетерникова, как нам теперь уже точно известно, среди них не было. Это девятый так и не найденный спасателями труп. Отсюда сам собой напрашивается следующий, вполне закономерный вопрос: куда делся еще один труп? Я имею в виду тело проводника?

– Возможно, он проводил группу до плато и вернулся обратно на турбазу? – предположил Суходольский.

– Именно так я сразу и подумала. Но потом прикинула, что, учитывая тот факт, что группа Тетерникова достигла плато Укок и стала устраиваться на ночлег вечером, а точнее – по данным дневника Тетерникова в 18.40, когда начало уже смеркаться, а по данным метеорологов темнота наступила на плато Укок в эти сутки в 19.30, то я сразу предположила, что проводник ни за какие коврижки не отправился бы в обратный путь по темноте. Конечно, понятно, что он прекрасно знал дорогу, но вот на ночной спуск с перевала Кара-Булак, находящийся на высоте 2800 метров, да еще верхом, он вряд ли бы решился. Я переговорила со знающими людьми, и они объяснили мне, что это с было бы его стороны верным самоубийством. Даже спешившись и ведя лошадей на поводу, он почти наверняка свернул бы себе в темноте шею. Поэтому я приняла как бесспорный факт то, что проводник остался в ту роковую ночь на ночевку в лагере Тетерникова.

– По вашей версии выходит, что раз проводник остался в лагере, то и лошади, стало быть тоже? – выстрелил коварным вопросом генерал.

– А действительно, – встрял Суходольский, – в деле нет ни одного слова об обнаруженных на месте трагедии лошадей, живых или мертвых.

– Давайте о лошадях чуть позже, – махнула я рукой.

– Но ведь факт отсутствия на месте стоянки археологов лошадей, как раз и не позволяет принять ночевку проводника в лагере за бесспорный факт! – уперся Мишка.

– Ну хорошо, – устало сдалась я, – но вы же, товарищ генерал, сами просили по существу. Если вы настаиваете... Михаил, тебя интересует куда подевались лошади? Что ж даю уважаемому собранию справку... Давно известно, что животные и дикие, и домашние обладают способностью предчувствовать различные катастрофы как природного, так и техногенного характера. Землетрясения, смерчи, различного рода аварии. Эту способность животных

предчувствовать приближение опасности изучают две вполне серьезные науки – сейсмобиология и биосейсмология. Таким образом, эта способность представителей животного мира неоднократно доказана научно. Вот несколько примеров, – я достала из папки пару листков и усмехнувшись, глядя на Суходольского, зачитала, – сентябрь 1927 года. Крым. Примерно за 12 часов до начала подземных толчков коровы отказались от корма и стали тревожно мычать, лошади рвались с привязи, кошки и собаки выли и скулили. Далее – Ашхабад. 1948 год. На местном конезаводе перед землетрясением лошади выбили ворота конюшни и вырвались наружу. Через два часа здание рухнуло от подземного толчка. И так далее и в том же духе на десяти листах. Данные взяты из открытых источников, то бишь из периодических изданий тех лет. Так что отсутствие лошадей как раз доказывает то, что в момент нахождения на плато экспедиции Тетерникова, что-то там произошло, причем не техногенного характера. Еще вопросы будут? Про лошадей – я имею в виду. Товарищ генерал, я могу продолжать? По существу?

– Ну, Ростова! Уела, ничего не скажешь. Вот, Суходольский, учись как работать надо! Продолжайте, Ростова.

– Итак по поводу проводника. Я запросила архив в Барнауле, и мне пришел интересный ответ, – невозмутимо продолжила я, – а именно – выписка из оперативно-розыскного дела №3456/59 от 23.11.59 года о пропаже без вести гражданина Урбонаса Я. М., 1912 года рождения, уроженца Латвии, работавшего в то время старшим егерем на турбазе «Джазатор». Как вы уже поняли, это и есть тот самый проводник.

– А что же, уголовное дело по факту исчезновения данного гражданина не заводили? – удивился генерал.

– Нет. Уголовное дело не заводили. Следователь не нашел достаточных оснований для этого. В резолюционной части оперативно—розыскного дела указано, что признаки криминального характера исчезновения гражданина Урбонаса Я. М. в ходе следствия выявлены не были. По показаниям начальника турбазы Попова, гражданин Урбонас был направлен проводником группы профессора Тетерникова. Все личные документы он имел при себе. Конфликтов в коллективе с его участием не было. Угроз в его адрес не поступало. На работе гражданин пользовался заслуженным уважением. К обязанностям относился ответственно. В общем, был весь такой пушистый и белый. В тот день, а именно 12 ноября 1959 года, он отправился в горы вместе с группой профессора. В его обязанности входило довести членов экспедиции до плато Укок и не позднее 19-го ноября вернуться на базу. Однако в оговоренный ранее срок тот не вернулся. Поскольку связи с группой Тетерникова не было, Попов подождал еще три дня и обратился в милицию. Поиски гражданина Урбонаса положительных результатов не дали, и дело, как и положено, спустя 15 лет благополучно ушло в архив. Соответственно, нет ничего удивительного в том, что по справке Барнаульского городского отдела милиции местонахождение данного гражданина до настоящего момента неизвестно.

– В итоге, на сегодняшний день мы имеем как минимум двух пропавших без вести, – глубокомысленно изрек Суходольский. – С сыном Тетерникова все более или менее понятно. Скорее всего, его тело до сих пор покоится где-то в горах, но вот пропажа проводника... А вы не допускаете мысли, что это именно он имел при себе метиловый спирт, отравил всех членов экспедиции и скрылся. Благо, наверняка, знал на маршруте каждую тропку?

– В принципе, за неимением лучшего можно принять и эту версию, – задумчиво сказала я. – Но у него в этом случае должен был быть мотив. И мотив не хилый. А он пока не просматривается.

– Ростова, я понимаю, что тебе кажется гораздо интереснее версия с инопланетянами, – усмехнулся генерал, – но поверь мне на слово, в жизни большинство преступлений совершается как раз на бытовой почве, а те, которые, на первый взгляд, не имеют каких—либо рациональных объяснений, либо не раскрываются вовсе – но таких дел мало, либо эти самые объяснения находятся позже. А что до мотивов... Я уверен, что если хорошенько копнуть, то

в далеком и забытом всеми прошлом обязательно отыщется что—то, что могло в конечном итоге привести к столь печальной развязке, – закончил свою речь генерал и воззрился на меня.

– Товарищ генерал, поймите, я ни в коем случае не против проверки бытовой версии, но вы ведь сами говорили о том, что в организме потерпевших ни метилового, ни какого-либо другого алкоголя не обнаружили, – бросила я еще один меткий камень в огород своего оппонента в генеральских погонах.

– Совершенно верно. Но, если вы помните, я также сказал, что метилового спирта просто не было у участников экспедиции. А если там присутствовал посторонний человек, то это в корне меняет дело. И потом, не вы ли выдвинули довольно смелое предположение о том, что результаты вскрытия могли быть подтасованы? Поскольку, как я понял из вашего доклада, имеющимся документам по группе Тетерникова доверять безоговорочно нельзя, то я думаю, мы поступим следующим образом: Суходольский возьмет на себя труд выяснить, кто из медиков, проводивших вскрытие погибших на перевале, еще жив в настоящее время, и если таковые остались, побеседует с ними. Есть некоторая вероятность того, что эта дополнительная информация позволит нам увидеть более достоверную картину произошедшего.

– Суходольский, и ищи лучше, а то если никого из медиков в живых уже не осталось, – проворчала я, – то тогда тебе придется делать эксгумацию тел всех остальных участников экспедиции.

– А ты, Ростова, не очень-то радуйся, – остудил мой пыл генерал, – тебе задачка предстоит не легче. Запросишь из Барнаула дело о пропаже этого проводника целиком. И тогда уже крути, верти, как хочешь. Пробей этого Урбонаса, или как там его, по всем нашим и милицейским картотекам, и по паспортным столам. И главное – ищи мотив! Носом землю рой, а мотив найди! Мне что-то подсказывает, что причина всей этой истории скрыта в очень далеком прошлом.

– А если мотива все же нет? – заупрячилась я. – Если его в природе не существует? Тогда что-все насмарку?

– Ростова, у тебя на руках, то есть, считай, в производстве, будет дело о пропавшем без вести гражданине. Поэтому польза от твоего расследования определенно все равно будет. Только имей в виду, больше трех дней на этого проводника у тебя нет. Поняла?

– Да за эти три дня я и дело-то заполучить из Барнаула не успею, – возмутилась я.

– А ты прояви смекалку, свое упрямство, наконец, напрягись и успеешь. А то там, где не нужно, твоему упорству можно прямо позавидовать, а тут какое-то дело получить из Барнаула – уже целая проблема. Я понимаю, еще из Интерпола... И то успевала, умудрялась найти подход, а тут? В общем, не зли меня, Ростова, иди с богом и работай. Время уже пошло.

Смекалку свою я все же проявила – отправила запрос в Барнаул с оказией. Туда летел на один день по своим делам знакомый милицейский опер. По счастливой случайности, в этот же день в Москву из Барнаула возвращался наш фельдъегерь. Таким образом, мне оставалось только состыковать их обоих в аэропорту и ждать, пока самолет из Барнаула не совершит посадку в «Шереметьево». Заполучив заветную папку, я заперлась у себя в кабинете и приступила к изучению документов.

На второй минуте изучения документов, подшитых в тоненькую картонную папочку и именуемых в таком виде не иначе как оперативно—розыскное дело N 3456/59, мне стало понятно, что совсем не простым парнем был этот бесследно исчезнувший в ноябре 1959 года старший егерь турбазы «Джазатор» гражданин Урбонас Я. М. Нет, на работе он, что вполне естественно, характеризовался очень даже положительно, но вот в прошлом, как оказалось, а именно до 1945 года, марта месяца, был сотрудником НКВД, и по документам выходило, что долгое время капитан Урбонас Я. М. служил не где-нибудь, а в системе Главного Управления Сиблага. Об этих натасканных на человеческое мясо спецах я была в свое время слышана

от знающих людей. Особенно много воплей и слюней пришлось по этому поводу на период девяностых, когда совсем ошалевшие от вседозволенности демократы всех мастей, ошибочно принимая анархию за свободу и гласность, визжали о зверствах в лагерях ГУЛАГА на всех телеканалах и площадях. Справедливости ради надо сказать, что если бы они узнали тогда всю правду, то многие борцы за демократию тех времен мгновенно слегли бы с инфарктами. А посему таинственная фигура пропавшего проводника, уволившегося в запас в звании капитана, заинтересовала меня просто чрезвычайно. – Нужно, – подумала я, чувствуя горячий след, – делать запрос в кадры. А они уже ответят, где в настоящее время находится запрашиваемый нами материал. Здесь возможны варианты. Дело может находиться в Главном архиве РФ, или в Управлении кадров ФСБ России, а может и в Центральном архиве МВД России. Однако без подписи генерала тут в любом случае не обойтись. Личное дело сотрудника просто так нам никто не даст. Кроме того, необходимо продумать, как убедительно пристегнуть гражданина Урбонаса Я. М. к нашему расследованию. Поскольку генералу почти наверняка придется в запросе как-то обосновывать наш интерес к этому гражданину. Хотя, я точно знала, что у нашего генерала была возможность получить такого рода информацию и не вполне официальным путем, несмотря на всю секретность. Конечно, была вероятность вытянуть очередную пустышку, но я чувствовала, что в личном деле проводника что-то есть. Не очень-то лица прибалтийских национальностей рвались в то непростое время служить в таких гнилых местах, как Сиблаг. Возможны, конечно, исключения, но я почему-то была уверена – без серьезного залета по службе здесь не обошлось. А выяснить, чем и когда провинился этот Урбонас, и за что конкретно его отправили в столь далекую ссылку, если, конечно, я была права, можно было, только тщательно изучив и проанализировав его личное дело и проследив все его перемещения по службе. В этом плане особой информативностью всегда отличалась так называемая «Анкета специального назначения работника НКВД (МВД СССР)», которая существовала в наших органах начиная еще с 1920-х годов. Правда, в системе военного делопроизводства этот документ повсеместно стали заводить только в 1930-е годы, и применялся он исключительно для сбора точных и исчерпывающих сведений о командно-начальствующем и политическом составе войск НКВД – МВД СССР. Анкета полностью заполнялась и подписывалась лицом, на которое заводилось личное дело. Данные анкеты тщательно проверялись и заверялись лицом, ответственным за работу с кадрами, как правило, помощником начальника штаба части по строевой подготовке, и скреплялись синей гербовой печатью подразделения. Данные, содержащиеся в этой анкете, всегда являлись наиболее полными и не менялись, а только дополнялись в течении всего периода службы сотрудника. Правда, сведения, содержащиеся в этом документе, всегда являлись секретными. Вот именно этот документ на нашего фигуранта Урбонаса я и собиралась заполнить через нашего генерала...

Москва, Центральный архив МВД РФ, июль, наши дни

...«Урбонас Ян Мартынович, родился 15.12.1912, место рождения – усадьба Кикос, ныне Латвия. Латыш, капитан НКВД (02.09.1937). В РККА с 1929 г., в НКВД-МГБ с янв. 1934 г., член компартии с 1932 г. Окончил 4-ю Киевскую артиллерийскую школу (06.1931—01.1933). Начальник прожекторной станции артиллерийской бригады (02.1933—12.1933). Старший следователь Главного Управления НКВД СССР (01.1934—11.1937). От занимаемой должности освобожден, назначен в распоряжение 7-го отделения СибЛага (01.1938). Начальник лагпункта „Мыюта“ ГУЛАГ НКВД СССР (01.1938—03.1946). С апреля 1946 г. в запасе. С ноября 1959 г. считается без вести пропавшим. Центральный Архив РФ»... Я закончила читать и бросила папку на стол. – Все, – подумала я. – Круг почти замкнулся. Осталось совсем немного, еще чуть-чуть. – Я это чувствовала. Нужно только выяснить, что такого натворил Урбонас, будучи следователем на Лубянке. Я была практически на сто процентов уверена, что этот товарищ имеет самое непосредственное отношение ко всей этой темной истории. Неспроста он пропал. Ой, как неспроста. Что-то у них там произошло. И это что-то был наверняка серьезный конфликт. Одной стороной конфликта, как мне виделось, был господин Урбонас, это, как говорится – к бабке не ходи. А вот вторая сторона была мне пока неизвестна. В принципе это мог оказаться любой из членов экспедиции. Исключая разве что Лизу Каменеву. Я видела ее фотографию в доме Тетерникова и была уверена – такая хрупкая и милая девушка вряд ли стала бы участвовать в конфликте, который, по-видимому, закончился убийством. В том, что проводник экспедиции мертв, я уже почти не сомневалась. И у меня этому убеждению была очень веская причина. Отпечатки пальцев Урбонаса, как бывшего сотрудника НКВД, имелись в его личном деле. И до сих пор они нигде не засветились. В свою очередь, этому тоже было два вполне убедительных, как мне казалось, объяснения. Или хозяин отпечатков был давно мертв, либо, что совсем маловероятно, но все же залег на дно в какой-нибудь глубинке и до сих пор сидел безвылазно в своей норе. Однако в это верилось с трудом. Урбонас был в свое время сотрудником НКВД и, соответственно, должен был иметь определенный склад характера, как правило, присущий людям нашей профессии. Конечно, исключения могли иметь место, но только не в данном конкретном случае. В этом я была убеждена. Кроме того, из его личного дела косвенно следовало, что, будучи следователем центрального аппарата на Лубянке, он совершил какое-то должностное преступление. По всей видимости, это должен был быть очень серьезный проступок, если его сослали в такую тьму-таракань! И в результате, просто невероятно, за целых девять лет он не получил ни одного очередного звания! Да, с одной стороны, вероятно проступок он совершил очень серьезный. Но, с другой стороны, не настолько, чтобы попасть под следствие. Иначе, учитывая специфику конца 30-х, его просто прислонили бы к стенке и ввели пулю в затылок. Ан, нет. Вывернулся как—то. Ладно. Теперь было хоть ясно, где копать.

Москва, Лубянка, июль, наши дни

– Ростова, поделись с нами своими соображениями, сделай одолжение, порадууй старика, – генерал был сегодня в прекрасном расположении духа и потому позволил себе быть с нами ласково-добродушным. Но я, да и все остальные присутствующие хорошо знали, что такое настроение генерала было обманчивым, как жаркая погода в марте месяце. Суходольский, тот и вовсе насторожился, аж голову в плечи втянул. Но генерал делал вид, что не замечает нашей напряженности, и продолжал играть с нами, как кошка с мышкой.

– Ладно, – мысленно согласилась я с навязанными мне правилами игры и встала для доклада.

– Товарищ генерал, версию о треугольнике, я имею в виду возможный конфликт между Урбонасом и двумя сотрудниками КГБ, которые входили в состав экспедиции Тетерникова, можно смело отбросить. Никаких пересечений до экспедиции на Алтай у них не было. И, судя по всему, быть не могло. Лейтенант Мирошниченко, 1937 года рождения, воспитывался в детском доме в Горьком. Окончил там же десятилетку и поступил в школу госбезопасности в 1955 году. Закончил ее как раз в июне 1959 года и всего четвертый месяц работал оперуполномоченным КГБ по Горьковской области. Для участия в экспедиции был направлен по разнарядке центрального аппарата. Я разговаривала с их кадровиком по телефону. Удалось сразу дозвониться к нему домой. Он, конечно, давно пенсионер, но вошел в положение. Сразу все вспомнил и очень подробно и вполне толково изложил. Дня через три его объяснение получим в письменном виде. Так вот. Тогда выбор был сделан в пользу Мирошниченко совершенно случайно. Пришла разнарядка, они и отправили в Москву самого молодого и неопытного. Согласитесь, этим и по сей день грешат многие начальники.

– А родители этого Мирошниченко? – генерал смотрел выжидающе. – Вы выяснили, кто они? Если репрессированные, то сразу имеем мотив.

– Отец, Мирошниченко Матвей Ильич, погиб в шахте в 1937 году. Практически сразу после рождения сына. Мать, Мирошниченко Мария Николаевна, умерла при родах. Других родственников не имел. Так что, как видите, – развела я руками, – с Мирошниченко мимо. Второй сотрудник КГБ, погибший в экспедиции – Атлетов Ашот, армянин. С Мирошниченко погодок. Сотрудник Наро-Фоминского отдела КГБ по Московской области. Прибыл также по телеграмме из Главного управления. С его сослуживцами и кадровиками связаться пока не удалось. Те из них, кто проживал на территории РФ, уже умерли. Остался ли кто из родственников на родине в Армении, пока неизвестно. Хотя чисто теоретически можно предположить, что между ним и Урбонасом произошла ссора, закончившаяся смертью второго. Армяне, как известно, народ эмоциональный. Но, проверяя эту версию, все равно плясать нужно от трупа Урбонаса. А его у нас нет. Считаю, что необходимо опросить людей на турбазе «Джазатор» и местных жителей поселка Мьюта, где находился вверенный Урбонасу лагпункт. Я предварительно поинтересовалась. Там, в этой Мьюте, находилась так называемая «командировка», где содержались исключительно женщины. Возможно, удастся зайти именно с этой стороны.

– Понятно, как говорится – нет тела, нет дела, – хмыкнул Суходольский. – Честно говоря, я сильно сомневаюсь, что по нашим запросам там будут рыть землю. Скорее всего отпишутся и все. У них там наверняка своих забот хватает.

– А кто говорит про запросы? – возмутилась я. – Михаил, вы уже давно должны были постигнуть простую житейскую истину: если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо – сделай его сам.

– Ты на что намекаешь? – задохнулся от возмущения Суходольский, начисто забыв о присутствии генерала. Такое нарушение субординации, естественно, не могло сойти ему с рук, и ответ последовал незамедлительно:

– Суходольский, – повысил голос генерал, – я случайно вам не мешаю? Может, мне выйти?

– Извините, товарищ генерал, – спохватился Мишка, но было поздно.

– Вам, товарищ полковник, следует более уважительно относиться к старшим. Впрочем, ваше воспитание – это не мое дело. Но, пользуясь своим более высоким положением в этом, – генерал многозначительно обвел взглядом кабинет, – помещении, позволю себе напомнить вам некоторые пункты Устава Вооруженных Сил. Так вот, прежде чем обратиться к младшему по званию, следует испросить на то разрешения у более старшего начальника, находящегося рядом. Продолжайте, Ростова.

– Я считаю, что необходимо создать специальную следственную группу с самыми широкими полномочиями и незамедлительно командировать ее по маршруту Тетерникова. На мой взгляд, это тот самый случай, когда информацию придется добывать самим и на «земле», как говорят опера. В архивах информация как правило однобокая и неполная. Я, конечно, понимаю, что господин Суходольский не в восторге от моей идеи самостоятельно лазить по Алтайским горам, – ехидно посмотрела я на пристыженного полковника, – но другого выхода я лично не вижу, – села я на место.

– Ну, что же, – генерал внимательно посмотрел мне прямо в глаза, – если вы считаете фигуру Урбонаса нуждающейся в детальной разработке, то, пожалуй что, кроме как посетить Алтай, другого пути у нас действительно нет. А самих членов экспедиции, то бишь ученых, отработали?

– Там тоже ничего для нас интересного нет. Обычные люди. Со своими, конечно, прибабасами, не без этого. Одним словом, – ученые, – открыла я другую папку:

– Начальник экспедиции профессор Тетерников Лев Иванович, как оказалось, был женат второй раз. Первая жена умерла при родах. Таким образом, получается, что Григорий Тетерников вовсе не родной сын Маргариты Петровны, второй жены профессора, с которой я беседовала. И она ни словом мне об этом не обмолвилась. Впрочем, это вполне естественно. Я на ее месте тоже лишний раз не стала бы распространяться на эту тему. Тем более, что я об этом и не спрашивала. Теперь – Лиза Каменева. Старший лаборант. Родная дочь профессора Каменева. Ее отец возглавлял институт до 1937 года. Участвовал в качестве руководителя в нескольких научных экспедициях на Тибет и Алтай. Кстати, именно он и нашел во время своей последней экспедиции пресловутый скифский щит, взятый Тетерниковым из Исторического музея за несколько дней до печально известных нам событий. В ноябре 1937 года буквально за несколько минут до того, как за ним пришли молодчики из НКВД, профессор Каменев застрелился. Странно в этой истории то, что Лиза родилась по документам в феврале 38-го, а жена Каменева умерла за несколько лет до этого. Кто настоящая мать девушки, установить пока не представляется возможным. Известно только, что до 1947 года она воспитывалась в специальном детском доме № 15/45 НКВД Вологодской области. Детский дом этот просуществовал до 1953 года и интересен тем, что в нем содержались исключительно дети «врагов народа». Те, чьи родители были репрессированы и осуждены по политическим статьям. Как известно, детям, попавшим туда, сначала присваивались номера, а потом давались другие имена и фамилии. Каким образом Лиза Каменева, попавшая в дом малютки НКВД в грудном возрасте, узнала, что она дочь профессора Каменева – решительно непонятно. Правда, Каменевой Елизаветой она снова стала только в апреле 1954 года. А до этого по документам значилась как Варвара Александровна Афанасенко. Я выяснила – Афанасенко это директор детского дома и больше половины детей получили взамен своих настоящих фамилий фамилию директора. Впрочем, это тоже вполне обычная практика тех лет. Интересно то, что профессор

Каменев работал над своей темой совместно с группой ученых, в которую входил и наш потерпевший – Тетерников. Тогда еще, правда, не профессор, но подающий очень большие надежды младший научный сотрудник. Его волна арестов не затронула...

– А остальных сотрудников Каменева? – быстро спросил генерал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.